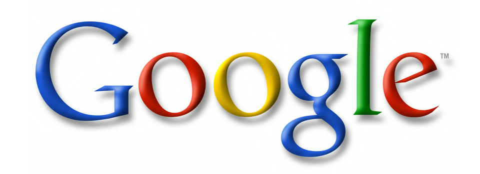

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

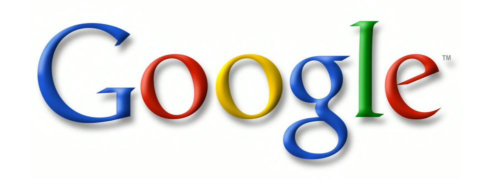
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали программу Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
71
K8

Kunik
Otkrytoe pis'mo k
sukhoputnym...

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

Kunik, A. A.

А. А. Куникъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

КЪ СУХОПУТНЫМЪ МОРЯКАМЪ.

Съ предварительной замѣткой А. С. Лаппо-Данилевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 линія, № 12.
1903.

DK71
K8

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, май 1903 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Въ дополненіяхъ и примѣчаніяхъ къ «Каспію» Б. Дорна (СПБ., 1875 г.) А. А. Куникъ не мало мѣста удѣлилъ «варяго-борству» и, между прочимъ, еще разъ пришелъ къ заключенію, что «древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хазарскихъ степныхъ наѣздниковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ Аскольдомъ и Олегомъ» (А. Куникъ, «Начались ли русскія торговыя сношенія и походы по Черному и Каспійскому морямъ во времена Мухаммеда или при Рюрикѣ?» въ Зап. Академіи Наукъ, т. XXVI, кн. 2, стр. 357—462 и 687—697). Въ той же статьѣ А. А. Куникъ выразилъ надежду, что антинорманисты не скоро возобновятъ полемику. Тѣмъ не менѣе черезъ годъ по изданіи «Каспія» появился цѣлый рядъ сочиненій противниковъ норманской школы: такъ напримѣръ, въ Кіевѣ были перепечатаны статьи М. А. Максимовича, въ Москвѣ вышли въ свѣтъ «Разысканія» Д. И. Иловайскаго, а въ С.-Петербургѣ одновременно съ ними извѣстныя изслѣдованія С. А. Гедеонова о Варягахъ и Руси. Почти въ тоже время антинорманисты пріобрѣли себѣ новыхъ союзниковъ: И. Е. Забѣлина и кн. П. П. Вяземскаго; они примкнули къ ихъ направленію и между прочимъ подвергли критикѣ тѣ выводы, къ которымъ А. А. Куникъ пришелъ въ своихъ

обширныхъ примѣчаніяхъ къ «Каспію» [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Н. И. Костомаровъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу разбора книгъ С. А. Гедеонова и другихъ «варягоборцевъ» (Русская Старина за 1877 г., т. XVIII), даже «отслужилъ панихиду по во брани убіеннымъ норманистамъ». Въ то время М. П. Погодина, пятьдесятъ лѣтъ боровшагося съ «норманофобами», уже не было въ живыхъ; но ихъ пріемы и выводы не могли не вызвать протеста со стороны А. А. Куника. Въ своемъ письмѣ къ В. Гутцейту отъ 30 декабря 1876 года ссылаясь на вышеуказанную статью, онъ уже замѣтилъ, что, хотя и слѣдуетъ оставлять безъ отвѣта нападки анонимныхъ газетныхъ рецензентовъ на норманистовъ, но «такихъ людей, какъ Н. И. Костомаровъ, надо высмѣять» (Briefwechsel zwischen Akademiker Kunik und Gutzeit, Riga, 1899, s. 9; cf. ss. 10, 14, 52). И дѣйствительно, въ маѣ мѣсяцѣ 1877 года въ академической типографіи было уже напечатано «Открытое письмо» А. А. Куника къ «сухопутнымъ морякамъ, вызванное приговоромъ Н. И. Костомарова отъ 1 января 1877 года». Такъ какъ кромѣ «протестовъ противъ непогрѣшимости варяжскаго папы» въ «Письмѣ» было высказано нѣсколько общихъ положеній касательно спора между норманистами и «варягоборцами», то А. А. Куникъ, повидимому, и хотѣлъ воспользоваться имъ въ качествѣ

---

1) И. Забѣлинъ, Исторія русской жизни, т. I, М. 1876 г.; авторъ, какъ извѣстно, придерживаясь теоріи «славянства Руси, оставляетъ извѣстное мѣсто въ нашей исторіи норманству . . . » (стр. 201); о Каспіи см. тамъ-же, стр. 121—128. «Замѣчанія» кн. П. П. Вяземскаго на Слово о Полку Игоревѣ вышли въ 1875 году; но послѣ вызова, сдѣланнаго автору «замѣчаній» А. А. Куникомъ (Каспій, стр. 690), кн. П. П. Вяземскій отвѣтилъ ему въ статьѣ подъ заглавіемъ «Синды, Зундъ и Сундары» въ Жур. Мин. Нар. Пр 1876 г, ч. 184, стр. 1—49. Кромѣ того ср. еще статьи: Д. Щеглова, «Первыя страницы русской исторіи» въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г., ч. 184, стр. 221—269; ч. 185, стр. 1—68; 163—209; его же докладъ подъ заглавіемъ «Новый опытъ изложенія первыхъ страницъ русской исторіи» въ Тр. II-го археол. съѣзда, Спб., 1876 г., т. II, отд. IV, стр. 63—80, а также статью Д. Иловайскаго «Заключительное слово моимъ противникамъ норманистамъ» [т. е. В. Г. Васильевскому и А. А. Кунику] въ Древ. и Нов. Россіи 1876 г., т. I, стр. 203—208 и 304—312.

предисловія къ новому ученому труду, который онъ предпринялъ вмѣстѣ съ барономъ В. Р. Розеномъ по поводу одного арабскаго извѣстія о Славянахъ X вѣка, доставленнаго ему проф. де Гуе. Заинтересованный разсказомъ ал-Бекри и, главнымъ образомъ, сообщенными въ немъ показаніями Ибрагима ибн-Якуба, А. А. Куникъ вмѣстѣ съ барономъ В. Р. Розеномъ вскорѣ приступилъ къ сочиненію извѣстной книги озаглавленной: «Извѣстія ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ»; «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ» и должно было послужить своего рода предисловіемъ къ «Извѣстіямъ ал-Бекри».

Въ самомъ дѣлѣ, «Письмо» уже было готово въ 1877 г. и, кромѣ того, озаглавлено: «Вмѣсто предисловія»; далѣе на стр. 03 «Письма» авторъ замѣчаетъ, что онъ «предоставилъ бы дальнѣйшее разъясненіе исторіи русскаго судоходства послѣ Рюрика будущему времени и другимъ лицамъ, если бы не получилъ недавно отъ одного изъ первыхъ знатоковъ арабскихъ географовъ, профессора де Гуе, замѣчательнаго памятника о Славянахъ X вѣка, съ содержаніемъ котораго онъ и познакомился по переводу бар. В. Р. Розена». Наконецъ, на стр. 03, 010, 011, 013, 025 и 052 «Письма» встрѣчаются ссылки на первую часть «Извѣстій ал-Бекри», но безъ указанія заглавія цитируемаго сочиненія и съ характерной прибавкой «см. *ниже*». На основаніи вышеприведенныхъ соображеній, трудно сомнѣваться въ томъ, что А. А. Куникъ предполагалъ издать свое «Открытое письмо къ сухопутнымъ морякамъ» въ видѣ предисловія къ «Извѣстіямъ ал-Бекри». Цѣликомъ напечатанное въ 1877 году, оно до сихъ поръ, однако, еще не вышло въ свѣтъ, хотя первая часть «Извѣстій» уже въ слѣдующемъ году появилась въ «Запискахъ Академіи» (т. XXXII, Приложеніе № 2, 1878 г.).

Между тѣмъ «Открытое письмо» А. А. Куника любопытно не только въ біографическомъ, но и въ исторіографическомъ отношеніи. На ряду съ замѣчаніями, характеризующими скорѣе личное міровоззрѣніе покойнаго академика, чѣмъ его ученыя

убѣжденія (стр. 019, 035, 038, 040, 045, 054), здѣсь можно найти, напримѣръ, общее обозрѣніе главнѣйшихъ и спорныхъ положеній антинорманистовъ и той «разноголосицы», которая обнаружилась въ ихъ мнѣніяхъ по одному и тому же предмету (стр. 06—027); здѣсь же авторъ даетъ указанія на отрицательное значеніе «варягоборства» для развитія противуположной ему теоріи, и обращается съ «словомъ» къ «новому поколѣнію» о тѣхъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ должно двинуть впередъ изученіе исторической этнографіи востока Европы въ варяжскій періодъ (стр. 060—066); въ числѣ послѣднихъ сочинитель письма ставитъ и готскій вопросъ; «въ настоящее время, пишетъ онъ, можно утвердительно сказать, что господство Готовъ надъ славянскими племенами . . . . оставило по себѣ рѣзкіе слѣды въ бытѣ и языкѣ Славянъ и что многія учрежденія, которыя Погодинъ и другіе производили отъ Норманновъ, слѣдуетъ приписать Готамъ» (стр. 063). Такимъ образомъ А. А. Куникъ уже въ 1877 году предвидѣлъ появленіе тѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ наши лингвисты и историки только теперь принимаются за выясненіе готскаго вліянія на древнюю культуру и государственный бытъ Славянъ.

Предисловіе А. А. Куника, какъ видно, содержитъ не мало цѣнныхъ свѣдѣній по исторіографіи древнѣйшаго періода русской исторіи; въ виду того, что оно естественно примыкаетъ къ первой части «Извѣстій ал-Бекри и другихъ авторовъ о Руси и Славянахъ», казалось желательнымъ напечатать его во второй части «Извѣстій», нынѣ издаваемыхъ въ русскомъ переводѣ подъ редакціей барона В. Р. Розена.

А. Лаппо-Данилевскій.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КЪ СУХОПУТНЫМЪ МОРЯКАМЪ [1]).

(вмѣсто предисловія.)

Et refellere sine pertinacia et refelli sine iracundia parati sumus.

CICERO.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что до сихъ поръ мало думали о томъ, почему изъ множества народовъ, появлявшихся въ древности и въ среднія вѣка на исторической сценѣ, только весьма немногіе составили себѣ имя и славу *морскаго* народа. У нѣкоторыхъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, также какъ и у большинства языческихъ народовъ, морской разбой былъ первичной формой мореходной дѣятельности; по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, немногія племена Славянъ съ 7-го вѣка на Архипелагѣ и въ Адріатическомъ морѣ, а на югѣ Балтійскаго только съ 10-го вѣка— по историческимъ соображеніямъ вѣроятно и раньше — занимались такимъ разбоемъ; съ принятіемъ христіанства они покинули его, какъ занятіе, противное духу христіанскаго ученія, причемъ морской разбой не послужилъ у нихъ прочнымъ основаніемъ ни морской военной силѣ, ни морской торговлѣ.

Въ „Каспіи“ до-рюриковскіе Славяне, жившіе по Днѣпру, выше пороговъ, по среднему теченію Двины, по верхней Волгѣ и около Ильменя, не называются морскимъ народомъ на томъ основаніи, что,

---

[1]) Письмо къ aux marins d'eau douce вызвано приговоромъ Н. И. Костомарова отъ 1 янв. 1877 г., напечатаннымъ въ январской кн. «Русской Старины». См. также «Каспій», стр. 688.

за исключеніемъ лишь жившихъ по нижнему Бугу и Днѣстру, — всѣ восточные Славяне временъ язычества были отдѣлены отъ моря другими народностями и плавая только по рѣкамъ и озерамъ не могли еще пріучиться къ далекимъ морскимъ плаваніямъ съ военной или торговою цѣлью. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ „Каспіи“ было доказано, что Русы появляются на водахъ Чернаго моря и Каспійскаго, съ торговой или военной цѣлью, лишь послѣ замѣны господства Хазаръ въ Кіевѣ господствомъ Нормановъ. Кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ было замѣчено, что съ половины 11-го столѣтія русскіе военные и торговые флоты какъ на двухъ южныхъ моряхъ, такъ и на Балтійскомъ морѣ постепенно исчезали и древнее пиратство, возникнувъ снова, продолжало существовать на югѣ вплоть до нашествія Татаръ только среди Бродниковъ, а на сѣверѣ поддерживалось ушкуйниками, производившими разбои по берегамъ рѣкъ. Затѣмъ, тамъ же было разъяснено, что Козаки становились иногда смѣлыми, предпріимчивыми пиратами благодаря совершенно инымъ особымъ условіямъ, что и они даже, разбойничая обыкновенно ниже днѣпровскихъ пороговъ и около устьевъ Дона и Волги, рѣдко отваживались пускаться въ открытое море, а потому, подобно черноморскимъ Готамъ, и не заслужили себѣ въ исторіи имени морскаго народа въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Въ видѣ Положеній можно выразить этотъ взглядъ:

Племена, жившія далеко отъ моря, въ старину вовсе не могли сдѣлаться морскими народами, а изъ приморскихъ племенъ очень немногія сдѣлались мореходными народами.

Конечно, слѣдовало ожидать, что взглядъ этотъ не найдетъ одобренія среди тѣхъ лицъ, которыя желаютъ основанную на свидѣтельствѣ положительныхъ памятниковъ исторію русскаго судоходства послѣ Рюрика и Аскольда замѣнить исторіей, созданною собственнымъ воображеніемъ. Такъ и случилось, мнѣніе наше подверглось столь многочисленнымъ нареканіямъ, что намъ пришлось, — покоряясь своей участи, — терпѣливо переносить всякаго рода ожесточенное злословіе, въ ожиданіи, пока непомраченный еще предубѣжденіями здравый смыслъ подростающаго поколѣнія произнесетъ свой судъ и рѣшитъ тяжбу между изслѣдователями исторической истины и любителями

исторіи фантастической, сказочной. Я бы и самъ предоставилъ дальнѣйшее разъясненіе этихъ вопросовъ будущему времени и другимъ лицамъ, если бы не получилъ недавно (см. ниже стр. 113) отъ одного изъ первыхъ знатоковъ арабскихъ географовъ замѣчательнаго памятника о Славянахъ 10-го вѣка. Познакомясь по переводу барона В. Р. Розена съ содержаніемъ этого памятника, я не могъ воздержаться отъ попытки снова поднять вопросъ о времени появленія *морской* Руси, — подтверждая мнѣнія свои на этотъ разъ свидѣтельствомъ не только памятника, доставленнаго мнѣ профессоромъ де-Гуе, но и свидѣтельствомъ другихъ арабскихъ писателей. Обсужденіе показаній этихъ писателей не могло не возбудить снова жгучаго вопроса о происхожденіи Варяго-Русовъ, который, по единодушнымъ отзывамъ нашихъ историковъ изъ разряда прѣсноводныхъ моряковъ, все еще нельзя считать вопросомъ рѣшеннымъ, не смотря даже на то, что въ западной Европѣ давно уже удивляются, какъ это люди, обладающіе строго научнымъ образованіемъ, до сихъ поръ еще не могутъ согласиться относительно главнаго предмета спорнаго вопроса. Къ числу людей, близко знакомыхъ съ вопросомъ и выражавшихъ подобное удивленіе, принадлежалъ покойный М. П. Погодинъ; въ послѣдніе годы своей жизни онъ даже считалъ прямымъ позоромъ для русской науки возобновленіе въ ней спора о норманскомъ происхожденіи Варяго-Руси.

Какъ извѣстно, Погодинъ († 8 дек. 1875) съ незначительными промежутками времени почти пятьдесятъ лѣтъ боролся за норманнское происхожденіе Руси. Во второмъ періодѣ своихъ полемическихъ столкновеній Погодинъ, твердо сознавая прямой путь, на который онъ выступилъ, сохранялъ необходимое спокойствіе духа и опровергалъ своихъ, большею частью находившихся съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ противниковъ (Морошкина, Надеждина, Максимовича) шутя, и даже въ своей полемической статьѣ, по поводу труда г. Гедеонова, явилъ новое доказательство своего уваженія къ свободѣ мнѣній. Въ послѣднее же время Погодинымъ по временамъ овладѣвало какое-то раздраженіе, такъ какъ, дѣйствительно, въ литературѣ стали повторяться тѣ лишенныя всякаго основанія гипотезы, которыя, по его

мнѣнію, были еще давно, во дни его молодости опровергнуты имъ н
всегда магистерскою его диссертаціею. Еще разъ собралъ онъ всѣ доступные ему главные аргументы норманистовъ для борьбы противъ гг. Костомарова и Иловайскаго. Послѣ того какъ „Борьба" его был уже напечатана весною 1874 г., нашелъ онъ переданное ему мно еще въ 1860 году свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца о первом походѣ Варяго-Русовъ, прямо приписывающее этотъ походъ Норманамъ (Normanorum gentes). Oleum et operam perdidi! воскликнул онъ въ заключеніе своего послѣсловія: „довольно бы привести эт извѣстіе", которое онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ „наиважнѣйшее наидрагоцѣннѣйшее". „Нечего говорить, сколько норманскаго удовольствія оно мнѣ доставило" сказалъ онъ тамъ же про свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца. То было одно изъ послѣднихъ „удовольствій", испытанныхъ въ жизни человѣкомъ, стяжавшимъ себ вѣчную память въ исторіи русской науки. Если бы онъ дожилъ д 1876 г., то это „удовольствіе" было бы для него снова омрачен появленіемъ въ литературѣ мнѣній, противъ которыхъ онъ боролс въ теченіе 50-ти лѣтъ.

Дѣйствительно, въ прошломъ году антинорманисты не только н обратили должнаго вниманія на свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца, которое Погодинъ сравнилъ съ гранитнымъ утесомъ и съ которымъ антинесторовцы обращаются какъ съ какою-нибудь бездѣлко изъ папье-маше, но еще и подняли такую бурю противъ *норманств* вообще, какой не приходилось выдерживать Погодину даже во времена Каченовскаго и его школы. Толстыя книги и статьи различных размѣровъ громко провозгласили, иногда не въ очень деликатных выраженіяхъ, читающему міру, что школа норманистовъ отличаетс „софистикою" и „ненаучностью" и что эта школа окончательно уж пала вслѣдствіе своей собственной „несостоятельности". Читая эт и другія обвиненія въ сочиненіяхъ и статьяхъ князя Вяземскаго гг. Гедеонова, Забѣлина, Иловайскаго, Щеглова и др. за 1876 г невольно задаешь себѣ вопросъ, какъ могла норманская школа так долго упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ, и почему норманисты послѣ того какъ ихъ противники „покончили съ норманствомъ", не от-

реклись торжественно отъ прежней ереси и не приняли новаго евангелія. Дѣло въ томъ, что побѣдители-самозванцы [1]) должны были со своей стороны разрѣшить тяжелую задачу, если желали, чтобы норманисты не только сознались въ томъ, что мѣра ихъ научныхъ грѣховъ переполнилась, но и подтвердили бы свое раскаяніе принятіемъ новаго ученія. Норманофобамъ слѣдовало, прежде чѣмъ заявлять такія рѣшительныя притязанія на побѣду своего ученія, согласиться *между собою* на счетъ главныхъ пунктовъ этого ученія. Почему же до сихъ поръ этого они не сдѣлали? Мы этого не знаемъ, но во всякомъ спорѣ чисто научнаго характера каждый, считающій себя побѣдителемъ, остается до тѣхъ поръ побѣдителемъ-самозванцемъ, пока его побѣды не признаютъ другіе авторитетные судьи. Если антинесторовцы считаютъ норманство дѣйствительно навсегда низложеннымъ, то слава ихъ должна вскорѣ распространиться по всему свѣту.

Причина кажущейся побѣды однихъ или пораженія другихъ лежитъ здѣсь, очевидно, въ злоупотребленіи *научнымъ методомъ*, въ области лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій. Антинесторовцы отрицаютъ въ изслѣдованіяхъ норманистовъ истинно-научный методъ и еще въ 1860 году Н. И. Костомаровъ провозгласилъ тономъ Юпитера громовержца, что все норманское ученіе ничто иное, какъ „софистика“. Въ 1876 г. это выраженіе и подобные ему унизительные отзывы раздались снова въ литературѣ. Но къ какому же ученію обратиться экснорманистамъ? Вѣдь имъ въ этомъ отношеніи предстоитъ настоящій „embarras de richesses“. Подобно тому какъ нѣкогда во 2 и 3 столѣтіяхъ рядомъ съ 4-мя каноническими евангеліями появилась масса евангелій апокрифическихъ, такъ и у антинесторовцевъ является особенная плодовитость въ новыхъ системахъ, въ которыхъ общимъ является развѣ лишь то, что всѣ онѣ отрицаютъ вполнѣ или на половину норманство Варяго-Русовъ и что всѣ онѣ почти безъ исключенія созданы историками, которыхъ ради краткости можно назвать сухопутными моряками.

---

[1]) Слово «самозванецъ» здѣсь, также какъ и ниже, конечно, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, какой оно получило въ смутное время, но въ смыслѣ первоначальномъ, соотвѣтствующемъ греческому αὐτόκλητος.

Мнѣнія, которыми замѣняется норманство, столь разнообразны и разнорѣчивы, что всякая попытка связать ихъ въ какое-нибудь гармоническое цѣлое превышаетъ силы экснорманистовъ; да она имъ и недоступна. Въ качествѣ побѣжденной партіи норманисты не имѣютъ даже возможности утѣшить себя объясненіемъ этихъ рѣзкихъ противорѣчій новыми методами изслѣдованія, изобрѣтенными кѣмъ-нибудь изъ ихъ противниковъ, и ихъ затруднительное положеніе увеличивается еще болѣе тѣмъ, что и до сихъ поръ историки, пользующіеся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, которыхъ труды и учебники по всеобщей русской исторіи расходятся въ тысячахъ экземпляровъ, оказываются полунорманистами. Какимъ же евангеліемъ замѣнить норманистамъ свое ученіе? [1]) Въ этомъ отношеніи непростительно, со стороны побѣдителей, что сами-то они промежъ себя не разобрали до сихъ поръ, которое изъ ихъ новыхъ варяго-русскихъ евангелій надо считать каноническимъ и которое — апокрифомъ. Во избѣжаніе же обвиненія въ преувеличеніи, мы здѣсь представимъ въ возможно краткомъ изложеніи, какъ велика разноголосица новыхъ евангелій относительно 4 изъ главныхъ пунктовъ ученія.

1) *Призваніе* Рюрика и двухъ его братьевъ, по убѣжденію многихъ норманофобовъ, — не историческій фактъ, а легенда, возникшая (по однимъ въ Кіевѣ, по другимъ въ Новгородѣ) въ XI столѣтіи и даже позже. Еще Погодинъ требовалъ объясненія, съ какою же цѣлью могли сложить подобную легенду. Отзывы антинесторовцевъ по этому поводу были до сихъ поръ какъ-то неопредѣленны и взаимно другъ другу противорѣчили. Спору нѣтъ, что очень удобно всякій неправящійся намъ историческій фактъ устранять объявляя его легендарнымъ или сказочнымъ. Нѣтъ, говорятъ другіе антинорманисты, *призванія* нельзя отвергать, но дѣло въ томъ, что призваны-то были не Норманы, а Варяго-Русы (т. е. Rugi) съ острова Рюгена изъ славянскаго племени Руянъ. Совсѣмъ не то! говорятъ третьи: призваны были одни славянскіе Варанги изъ померанскаго ли, или изъ оботрит-

[1]) Г. Костомаровъ (Русск. Старина 1877 г. I, 165) приписываетъ школѣ норманистовъ «безусловную вѣру въ какое-то евангеліе».

скаго „варяжскаго поморья“, — все равно, а не Русы. По голословному предположенію иныхъ, Варяго-Русы пришли изъ Литвы отъ устій Нѣмана. Иные проповѣдуютъ, даже въ учебникахъ русской исторіи, что вѣроятно призваны были Славяне *и* Норманы, жившіе неизвѣстно гдѣ по Балтійскому морю въ братской любви и согласіи. Кто жь правъ? Къ какой же дружинѣ примкнуть экснорманистамъ?

Послѣдователи норманской школы давно уже проложили себѣ иную дорогу: они считали, что если извѣстное изреченіе Чуди и Славянъ „земля наша велика и обильна“ и было почти слово въ слово произнесено послами кельтскихъ Бриттовъ [1]), отправленными къ саксквмъ воеводамъ, то отсюда отнюдь еще нельзя заключать, какъ-то дѣлаютъ антинорманисты, что оба историческихъ факта, — призваніе воеводъ на британскіе острова въ 5 ст. и призваніе князей въ новгородскую землю въ 9-мъ,—слѣдуетъ отнести къ области вымысловъ. Согласно законамъ сравнительной исторіи былинъ и преданій, послѣдователи норманской школы допускали оба призванія, какъ историческіе *факты* на томъ основаніи, что при отсутствіи факта призванія варяжскихъ князей не могла бы никоимъ образомъ къ русскому преданію пріурочиться и вышеупомянутая формула посольской рѣчи. (См. Каспій, стр. 394). Съ цѣлью ослабить этотъ доводъ со стороны двухъ варягоборцевъ высказывалось предположеніе, что это изреченіе „земля наша велика и обильна“ зашло изъ Россіи въ Британію, гдѣ оно и было связано преданіемъ съ фактомъ призванія Саксовъ. Стоитъ только бросить взглядъ на лѣтопись Сакса Видукинда, современника св. Ольги, на англійскіе источники и на встрѣчающіеся въ другихъ мѣстахъ варіанты извѣстнаго изреченія пословъ, чтобы убѣдиться въ полной несостоятельности подобнаго предположенія. Что же тутъ дѣлать смущеннымъ экснорманистамъ? Держаться ли имъ сравненія обѣихъ сагъ, или же послѣдовать за тѣми норманофобами, которые преспокойно разрѣзаютъ узелъ вмѣсто того, чтобы его раз-

[1]) См. мою статью въ соч. Погодина: «Г. Гедеоновъ и его система о происхожденіи Варяговъ и Руси. Приложеніе къ 6 тому Зап. Акад. Н. № 2. 1864», стр. 58—64 и сравн. Каспій, стр. 394.

вязать? Или не послѣдовать ли имъ за знаменемъ тѣхъ, которые открыли прямой морской торговый путь между Новгородомъ и Рюгеномъ или Травою, существовавшій будто бы до Рюрика? Да, господа антинесторовцы, — по вашему приговору, экснорманисты народъ темный: такъ сжальтесь же надъ заблуждавшимися толкователями Русской лѣтописи и укажите имъ дорогу изъ этого лабиринта. Вы должны оказать имъ эту услугу въ виду также и собственныхъ вашихъ интересовъ. Вамъ самимъ, т. е. какъ полнымъ антинорманистамъ, такъ и полунорманистамъ, — необходимо либо покончить путемъ взаимнаго соглашенія ту „усобицу“, которую вы ведете между собой по поводу преданія о призваніи князей, либо ожидать третейскаго суда отъ кого-нибудь, „который бы судилъ насъ всѣхъ по праву“. Если это призваніе сказка, то разсказъ о немъ долженъ быть исключенъ изо всѣхъ учебниковъ въ Европѣ и въ остальныхъ частяхъ свѣта. Въ этомъ случаѣ вѣдь спросятъ же: на какомъ это дѣлается основаніи? А на этотъ вопросъ и Погодинъ уже получалъ отвѣты, которые, по его мнѣнію, были просто ребяческими. Въ остальной Европѣ относительно анализа подобныхъ историко-эпическихъ сказаній ученые имѣютъ передъ собою болѣе долговременный опытъ и потому при разрѣшеніи ихъ слѣдуютъ твердо установившимся строго научнымъ пріемамъ. Лазейка, что, молъ, Европѣ до этого вопроса нѣтъ никакого дѣла, въ наши дни не пройдетъ даромъ даже босфорскимъ бусурманамъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о призваніи князей стоитъ вопросъ объ историческомъ существованіи Рюрика. Гг. Костомаровъ, Иловайскій и комп. считаютъ его чисто миѳическимъ лицемъ. Но гдѣ же основанія подобнаго мнѣнія и какая его цѣль? Гдѣ доказательства миѳической природы Рюрика, собранныя согласно строгимъ требованіямъ современной науки о миѳахъ? Эти миѳоманы до сихъ поръ еще въ долгу передъ нами и передъ ученымъ міромъ Европы, такъ какъ они вовсе не доказали, что краткое извѣстіе о родоначальникѣ русскаго княжескаго дома есть плодъ одного воображенія, а не преданіе, сохранившееся впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній въ томъ же княжескомъ родѣ. Мы вправѣ требовать отъ антинесто-

ровцевъ, чтобы они хотя этотъ-то долгъ погасили въ толстой книгѣ своихъ долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что, желая блеснуть въ глазахъ толпы, играютъ они словомъ „миѳъ", не въ состояніи будучи и сами то, какъ оказывается на дѣлѣ, уяснить себѣ разницу между миѳомъ и исторической сагой. Пока, мы ограничимся ссылкою на простое сужденіе Погодина (Борьба стр. 224, 279, 309, 361, 369) и прибавимъ только одну замѣтку о дочеряхъ Рюрика.

Отецъ *Владиміра* извѣстенъ намъ изъ византійскихъ писателей— это *Свѧтославъ* (по болгарскому правописанію). Отецъ послѣдняго назывался у Византійцевъ *Ингор-ь* (норманская форма съ перемѣною гласныхъ), по Ліудпранду *Inger*. Византійцамъ извѣстна также и жена послѣдняго *Эльга* (норманская же форма Helga), а Адальбертъ знаетъ ее подъ ея христіанскимъ именемъ *Helena*; Исландцы зовутъ ее *Alogia*, но по ошибкѣ считаютъ женою Владиміра. Извѣстенъ ли былъ *отецъ Игоря?* Лѣтописецъ отвѣчаетъ на это утвердительно и даже называетъ его по имени при имени сына. Этого отца мы не признаемъ! трубятъ антинесторовцы. Но мало того, у Игоря было еще двѣ сестры, которыхъ существованіе доказалъ въ 1810 г. Кругъ, очень гордившійся своимъ открытіемъ, такъ какъ оно помогло ему защитить подлинность договора 944 года [1]). Изъ этого офиціальнаго до-

---

[1]) Von dem Hetiй der russischen Chronik (Byzantische Chronologie. 1810, p. 210—215). Можетъ быть, одинъ изъ двухъ нетіевъ Игоревыхъ скрывается подъ племянникомъ (ὁ ἀνεψιός) св. Ольги, проводившимъ въ 957 г. свою тетку въ Византію.

Погодинъ до конца своей жизни (Борьба, стр. 309) не умѣлъ понять, что русское слово, встрѣчающееся также у другихъ славянскихъ племенъ, не могло быть заимствовано у Норманов. Вслѣдствіе этого И. И. Срезневскій (Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850, стр. 148; срав. теперь Словарь Миклошича) отстаивалъ славянское происхожденіе слова «нетій», встрѣчающагося два раза въ Игоревомъ договорѣ. Но все-таки славянское происхожденіе его болѣе чѣмъ сомнительно. Вошли же въ нѣмецкій языкъ Onkel и Tante въ замѣнъ старинныхъ Oheim и Muhme.

Протоарійское напта̂ (откуда греч. ἀνεψιός, лат. nepos, др.-нѣм. nëfo, исл. nefi; nefi Knûts = сестричинъ короля Кнута и т. д.) безъ сомнѣнія, было въ употребленіи и у славяно-литовскаго племени, но замѣнено какъ Литовцами такъ и Славянами, другими выраженіями. Слово нетій вошло въ сла-

кумента мы узнаемъ даже имена обоихъ сыновей этихъ сестеръ Игоря: ихъ звали *Акунъ* и *Игорь* — все чисто норманскія имена въ славянской формѣ, изъ которыхъ Игорь и Рюрикъ долго держались въ княжескомъ родѣ. Съ какою цѣлью было лѣтописцу выдумывать для Игорева отца чисто скандинавское имя *Рюрика*, а не другое славянское или скандинавское имя? На этотъ вопросъ антинесторовцы, не срамясь на всю Европу, никогда не дадутъ связнаго положительнаго отвѣта. Даже такому завзятому скептику какъ г. Гедеоновъ этотъ легкій способъ отрицанія показался совершенно ненаучнымъ не вслѣдствіе теоретическихъ только соображеній, но также и потому, что г. Гедеоновъ знакомъ съ исходомъ подобныхъ скептическихъ попытокъ въ исторической литературѣ вообще. Понятно, что норманофобамъ претятъ норманскія формы княжескихъ именъ, какъ-то Рюрикъ, и др., особенно послѣ замѣчанія Погодина (Борьба, стр. 279):

„Имена Рюрикъ, Олегъ, Руальдъ, Свѣнальдъ,—какъ вы ихъ ни мучьте, не отзовутся вамъ по-славянски“.

Вами, господа антинесторовцы, допускается же историческое значеніе родословій, въ родѣ списка князей или хановъ языческихъ Болгаро-Тюрковъ (см. ниже стр. 128) и множество подобныхъ памятниковъ и не считаете же вы упоминаемыя въ нихъ имена выдуманными только на томъ основаніи, что изъ этихъ именъ два или три не встрѣчаются у Византійцевъ. Если бы русская лѣтопись назвала намъ имя отца Рюрика и имя его дѣда и т. д. и дала имъ въ родоначальники Одина или Ингви, то въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, сомнѣніе было бы позволительно и тогда пришлось бы ради осторожности въ изложеніи историческихъ фактовъ обозначать въ учебникахъ русской исторіи отца Игоря буквами NN. На скандинавскомъ сѣверѣ распространено было множество родословій, которыя вначалѣ передавались

вянскій языкъ вѣроятно во время владычества Готовъ. Коренная придыхательная f (происшедшая изъ p по извѣстному закону передвиженія согласныхъ) исчезла въ готской и скандинавскихъ формахъ вслѣдствіе перехода твердаго t въ придыхательныя þ (th) и ð (dh). Готскому nithij-s соотвѣтствуетъ норв.-исландское nidh-r (см. Словарь Вигфуссона, стр. 454), др.-шв. nith, nithar(arf) и др.-датск. (na)nithi.

отъ одного поколѣнія другому устно, при чемъ конечно имена и порядокъ ихъ не избѣгали искаженій, а впослѣдствіи записывались въ лѣтописи и саги. Имя родоначальника княжившаго въ Кіевѣ дома могло очень легко сохраниться въ памяти потомства его впродолженіе трехъ, четырехъ поколѣній посредствомъ устной передачи отъ одного поколѣнія другому, пока наконецъ не было записано лѣтописцемъ. Но антинесторовцы разъ на всегда покончили съ Рюрикомъ и намъ остается въ утѣшеніе только размышлять о томъ, имѣли ли, дѣйствительно, Игорь и его сестры отца, или нѣтъ? Можетъ статься, послѣднее покажется невозможнымъ. Отчего же? У средневѣковыхъ лѣтописцевъ и у нашихъ миѳомановъ все возможно. Выдумалъ же самъ преподобный Несторъ небывалаго отца для убійцъ Бориса Владиміровича: „Суть же имена сихъ законопреступниковъ — Путьша, и Талецъ, Еловитъ, Ляшько, отецъ же ихъ Сотона". Далѣе, разсказываютъ же Адамъ-бременскій и Чукча Дауркинъ, что амазонки въ Ботническомъ заливѣ и въ Ледовитомъ морѣ оплодотворяются первыя — черезъ питье воды, а вторыя морскими волнами во время купанья (см. ниже стр. 80). Наши любители миѳовъ этому, конечно, не повѣрятъ и только потому не повѣрятъ, что Адамъ-бременскій и Дауркинъ были не болѣе какъ современниками упоминаемаго ими факта, но отнюдь не очевидцами и не участниками его.

Согласимся съ крайними норманофобами, что Игорь и его сестры не имѣли отца, что Рюрикъ — нарочно выдуманное лицо, что вся Несторова лѣтопись наполнена всякаго рода баснями, сказками и невѣрными преданіями, что сказаніе о призваніи Варяго-Русовъ Финнами и Славянами чистѣйшій миѳъ или по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ числу странствующихъ сагъ, — какъ согласовать съ этими голословными предположеніями свидѣтельства иностранныхъ авторовъ IX и X вѣка о появленіи какихъ-то, прежде на Черномъ и Каспійскихъ моряхъ не виданныхъ и не слыханныхъ моряковъ Русо-Нормановъ? По какому поводу венеціанскій лѣтописецъ, папа Николай, императоръ Людовикъ II, Ломбардъ Ліудпрандъ, независимо другъ отъ друга, приводятъ въ ближайшую связь между собою имена Русовъ и Нормановъ? Почему императоръ Левъ не упоминаетъ о „такъ

называемыхъ Сѣверныхъ Скиѳахъ“ въ Главѣ о Славянахъ и ихъ военномъ устройствѣ, а посвящаетъ имъ отдѣльный параграфъ въ Главѣ о морскомъ дѣлѣ, гдѣ, опять, помину нѣтъ о Славянахъ? Что заставило императора Константина-багрянороднаго, неизвѣстнаго автора сказаній, сохранившихся у Персіянина Кардизи и у Персо-Араба Ибнъ-Дустеха, и наконецъ, Араба Масъуди строго отличать Славянъ отъ Русовъ, какъ два отдѣльныхъ народа? Всѣ попытки ослабить смыслъ этихъ свидѣтельствъ окажутся тщетными какъ въ отношеніи Нормановъ и Пагановъ 865 г., упоминаемыхъ Итальянцами, такъ и въ отношеніи Кардизи. Если же самый *фактъ* призванія потрясенъ, то на основаніи упомянутыхъ свидѣтельствъ все же остается допустить, что какіе-то норманскіе моряки, не изъ рода прѣсноводныхъ, насильно утвердились въ землѣ Чуди и Славянъ, и на берегахъ Киммерійскаго босфора, подобно Норвежцу Ролло въ Нормандіи, датскимъ Іомсвикингамъ въ Помераніи, ютскимъ князьямъ Рорику старшему и младшему во Фрисландіи, датскому Акуну въ прусской Самландіи и многимъ другимъ атаманамъ норманскихъ дружинъ на Британскихъ островахъ. Другими словами, мы должны бы были тогда непремѣнно предположить *завоеваніе* Норманами сѣверо-западной части нынѣшней Россіи, — предположеніе тѣмъ болѣе возможное, что гораздо болѣе обширная область на юго-востокѣ уже была *завоевана* и впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній принадлежала Хазарамъ. Или не пожелаютъ ли противники Нестора и этого факта вычеркнуть изъ русской лѣтописи? Поступая послѣдовательно, они должны бы были рѣшиться на это. Едва ли только имъ кто повѣритъ, что Хазарамъ приписано было завоеваніе лишь кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Если Несторъ и нашелъ что-нибудь записаннымъ раньше, то навѣрно извѣстія о походахъ предпринимавшихся варяго-русскими князьями съ 882 по 966 годъ съ цѣлью освобожденія Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей отъ гнета азіатскаго деспотизма. Но въ такомъ случаѣ и вытѣсненіе Хазаръ изъ главнаго города Полянъ, Кіева, Аскольдомъ и Диромъ является вполнѣ естественнымъ фактомъ, хотя бы извѣстіе о немъ и было заимствовано Несторомъ изъ устныхъ преданій, а не изъ письменныхъ источниковъ.

Вообще владычество Хазаръ надъ Славянами вполнѣ подтверждается Арабами и между прочими также и Ибрагимомъ Ибнъ-Якубомъ, который не могъ себѣ иначе представить властвованія Русовъ въ землѣ Славянъ, какъ слѣдствіемъ завоеванія, такъ какъ о призваніи Русовъ ему ничего не было извѣстно. Впрочемъ видно изъ иностранныхъ источниковъ, упоминающихъ объ отношеніяхъ Варяго-Русовъ къ Славянамъ, что это завоеваніе вовсе не было похоже на завоеванія напр. Франковъ въ Галліи, Мадьяровъ въ Панноніи, нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи, Лифляндіи и т. п., и не сопровождалось ни лишеніемъ поземельной собственности, ни лишеніемъ личной свободы. А такое положеніе туземнаго народонаселенія несовмѣстно съ понятіями властителей и народовъ среднихъ временъ о завоеваніи.

Со временемъ, можетъ быть, многіе норманофобы зададутъ себѣ вопросъ: „Да не лучше ли уже, вмѣсто завоеванія допустить призваніе“? Косвенно оно подтверждено однажды свидѣтельствомъ Сакса Видукинда. Что же касается существованія самыхъ поводовъ къ призванію, то оно подтверждается поразительными примѣрами подобныхъ же призваній въ средніе вѣка, какъ у Славянъ, такъ и у другихъ народовъ (См. также ниже стр. 166). Рѣшеніе, принятое взаимно-враждававшими финнско-славянскими племенами, было *геройское*. Послѣдствія доказываютъ лучше всего политическую прозорливость тѣхъ, кто впервые сознали недостатокъ государственнаго центра и стали искать его въ монархіи. Другіе Славяне не нашли въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ для подобнаго геройскаго рѣшенія и потому погибли. Еще около 600 года, одинъ Грекъ-сановникъ или императоръ Маврикій, писавшій о внутреннемъ состояніи Славянъ-язычниковъ подмѣтилъ болѣзнь, препятствовавшую славянскимъ племенамъ отказаться отъ ихъ политически обособленной жизни и сплотиться въ прочную государственную форму; болѣзнь эта — ложное понятіе о личной свободѣ. По свидѣтельству Маврикія у Славянъ было много князьковъ, которые жили между собою въ постоянномъ несогласіи (ἀσυμφώνως). Также и императоръ Левъ, списавшій трудъ Маврикія и распространившій его согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, очень выразительно замѣтилъ, что Славяне (южные) вслѣдствіе своего стремленія

къ племенной независимости „согнули свою выю подъ ярмо греческаго владычества (ἐξουσία)“. Столь же неразумны были и Славяне Пелопонниса: они хотѣли жить исключительно про себя [1]) и не признавать никакого верховнаго властелина (ὥσπερ αὐτόνομοι καὶ αὐτοδέσποτοι). Кончалась же эта древнеславянская свобода тѣмъ, что „погибоша аки Обрѣ; ихже нѣсть племени, ни наслѣдька“. И что главнымъ образомъ помогло нѣмецкимъ средневѣковымъ тираннамъ покорить и стереть съ лица земли балтійскихъ и другихъ Славянъ? На этотъ вопросъ мы, по всей вѣроятности, не найдемъ утѣшительнаго отвѣта въ исторіи ихъ, хотя новѣйшіе изслѣдователи политической судьбы и внутренняго быта этихъ племенъ обыкновенно объ этомъ молчатъ, приписывая ихъ погибель одному фанатизму Нѣмцевъ и Датчанъ.

2) Другимъ главнымъ спорнымъ предметомъ былъ до сихъ поръ вопросъ *о происхожденіи и первоначальномъ распространеніи названія Варягъ*. Одни изъ антинесторовцевъ соглашаются, что это слово скандинавское, но не могутъ еще до сихъ поръ понять, почему коренная гласная въ немъ необходимо была прежде долгою (â) и потому впадаютъ въ совершенно ненаучное производство этого слова изъ норвежско-исландскихъ основъ съ короткою а (ă). Другіе принимаютъ его за слово славянское, которое образовалось въ Россіи, какъ названіе извѣстнаго племени, какъ этническое выраженіе; при этомъ, само собой разумѣется, является на сцену такая этимологія, которая, по мнѣнію экснорманистовъ, существовала развѣ до появленія славянской граматики. Нѣтъ, снова слышится возраженіе, слово это заимствовано у Вендовъ, жившихъ по берегамъ Балтійскаго моря, у которыхъ оно имѣло форму Warang, и обозначало собственно „мечъ“, тогда какъ другіе антинорманисты не допускаютъ даже возможности самаго существованія такой вендской формы, какъ „Warang“. Третьи вызываютъ изъ могилъ славянскихъ Вагріевъ, нисколько не стѣс-

---

[1]) «Полянемъ же живщемъ особѣ и володѣющемъ роды своими и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ...»

«Изъгнаша Варяги за море ...и почаша сами въ собѣ володѣти, ... и въста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся».

няясь тѣмъ, что такая наивная этимологія дозволительна была только во времена Герберштейна, 350 лѣтъ тому назадъ, и не подозрѣвая, что Вагріи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было ничто иное, какъ употреблявшееся въ восточной Гольштиніи нѣмецкое (сакское) названіе Оботритовъ (Бодричей). Иные остаются при мнѣніи, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись всякіе Европейцы вообще, и при этомъ упускаютъ изъ виду, что въ древне-русской лѣтописи поселенія забалтійскихъ Варяговъ ограничены мѣстностями, заселенными Скандинавами въ Швеціи, на Готландѣ, въ Норвегіи и владѣніями норманскихъ завоевателей въ Нормандіи и въ Англіи; они упускаютъ изъ виду также и то, что только съ 11 ст. называютъ вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ Варягами скандинавскихъ папистовъ, а впослѣдствіи и всякихъ папистовъ вообще. Наконецъ въ послѣднее время разнообразія ради стали выдавать выраженіе Варягъ за слово чудское, а одинъ ярый, какъ кажется, но юный антинорманистъ пытался даже сбить Норманновъ съ позиціи при помощи Санскрита и доказывалъ совсѣмъ не шутя, что слово Варягъ прямо происходитъ отъ Санскрита.

Противъ такой фаланги этимологовъ экснорманисты могли выставить одно только положеніе, состоящее въ томъ, что по непреложнымъ законамъ фонетики норвежско-исландская форма Væringi и славянская Варягъ заставляютъ во всякомъ случаѣ предполагать существованіе др.-шведской формы Wâring (съ удареніемъ на долгой коренной гласной а), а потому по аналогіи подобныхъ выраженій экснорманисты предполагали, что первоначально это слово имѣло лишь *военное* или *военно-служебное* значеніе, а впослѣдствіи во времена Рюрика или еще раньше его восточные Славяне стали употреблять это слово, удобства ради, для обозначенія Скандинавовъ вообще. Въ настоящее время, норманисты, упавъ съ седьмаго неба, конечно, слишкомъ еще оглушены, чтобы выбрать изо всей вышеприведенной варяжской чаромутіи себѣ что-нибудь по вкусу; а потому имъ, конечно, было бы пріятно, если бы ихъ побѣдители, — какъ безусловные, такъ равно и условные антинорманисты, — услышали ихъ покорнѣйшую просьбу и согласились между собою относительно того, чтò посовѣтовать выбрать изъ вышеприведенной антологіи раскаявшимся грѣшникамъ для

вязать? Или не послѣдовать ли имъ за знаменемъ тѣхъ, которые открыли прямой морской торговый путь между Новгородомъ и Рюгеномъ или Травою, существовавшій будто бы до Рюрика? Да, господа антинесторовцы, — по вашему приговору, экснорманисты народъ темный: такъ сжальтесь же надъ заблуждавшимися толкователями Русской лѣтописи и укажите имъ дорогу изъ этого лабиринта. Вы должны оказать имъ эту услугу въ виду также и собственныхъ вашихъ интересовъ. Вамъ самимъ, т. е. какъ полнымъ антинорманистамъ, такъ и полунорманистамъ, — необходимо либо покончить путемъ взаимнаго соглашенія ту „усобицу", которую вы ведете между собой по поводу преданія о призваніи князей, либо ожидать третейскаго суда отъ кого-нибудь, „который бы судилъ насъ всѣхъ по праву". Если это призваніе сказка, то разсказъ о немъ долженъ быть исключенъ изо всѣхъ учебниковъ въ Европѣ и въ остальныхъ частяхъ свѣта. Въ этомъ случаѣ вѣдь спросятъ же: на какомъ это дѣлается основаніи? А на этотъ вопросъ и Погодинъ уже получалъ отвѣты, которые, по его мнѣнію, были просто ребяческими. Въ остальной Европѣ относительно анализа подобныхъ историко-эпическихъ сказаній ученые имѣютъ передъ собою болѣе долговременный опытъ и потому при разрѣшеніи ихъ слѣдуютъ твердо установившимся строго научнымъ пріемамъ. Лазейка, что, молъ, Европѣ до этого вопроса нѣтъ никакого дѣла, въ наши дни не пройдетъ даромъ даже босфорскимъ бусурманамъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о призваніи князей стоитъ вопросъ объ историческомъ существованіи Рюрика. Гг. Костомаровъ, Иловайскій и комп. считаютъ его чисто миѳическимъ лицемъ. Но гдѣ же основанія подобнаго мнѣнія и какая его цѣль? Гдѣ доказательства миѳической природы Рюрика, собранныя согласно строгимъ требованіямъ современной науки о миѳахъ? Эти миѳоманы до сихъ поръ еще въ долгу передъ нами и передъ ученымъ міромъ Европы, такъ какъ они вовсе не доказали, что краткое извѣстіе о родоначальникѣ русскаго княжескаго дома есть плодъ одного воображенія, а не преданіе, сохранившееся впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній въ томъ же княжескомъ родѣ. Мы вправѣ требовать отъ антинесто-

ровцевъ, чтобы они хотя этотъ-то долгъ погасили въ толстой книгѣ своихъ долговъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ навлечь на себя упрекъ въ томъ, что, желая блеснуть въ глазахъ толпы, играютъ они словомъ „миѳъ", не въ состояніи будучи и сами то, какъ оказывается на дѣлѣ, уяснить себѣ разницу между миѳомъ и исторической сагой. Пока, мы ограничимся ссылкою на простое сужденіе Погодина (Борьба стр. 224, 279, 309, 361, 369) и прибавимъ только одну замѣтку о дочеряхъ Рюрика.

Отецъ *Владиміра* извѣстенъ намъ изъ византійскихъ писателей— это *Свѧтославъ* (по болгарскому правописанію). Отецъ послѣдняго назывался у Византійцевъ *Ингор-ь* (норманская форма съ перемѣною гласныхъ), по Ліудпранду *Inger*. Византійцамъ извѣстна также и жена послѣдняго *Эльга* (норманская же форма Helga), а Адальбертъ знаетъ ее подъ ея христіанскимъ именемъ *Helena*; Исландцы зовутъ ее *Alogia*, но по ошибкѣ считаютъ женою Владиміра. Извѣстенъ ли былъ *отецъ Игоря?* Лѣтописецъ отвѣчаетъ на это утвердительно и даже называетъ его по имени при имени сына. Этого отца мы не признаемъ! трубятъ антинесторовцы. Но мало того, у Игоря было еще двѣ сестры, которыхъ существованіе доказалъ въ 1810 г. Кругъ, очень гордившійся своимъ открытіемъ, такъ какъ оно помогло ему защитить подлинность договора 944 года[1]). Изъ этого офиціальнаго до-

---

[1]) Von dem Hетій der russischen Chronik (Byzantische Chronologie. 1810, p. 210—215). Можетъ быть, одинъ изъ двухъ нетіевъ Игоревыхъ скрывается подъ племянникомъ (ὁ ἀνεψιός) св. Ольги, проводившимъ въ 957 г. свою тетку въ Византію.

Погодинъ до конца своей жизни (Борьба, стр. 309) не умѣлъ понять, что русское слово, встрѣчающееся также у другихъ славянскихъ племенъ, не могло быть заимствовано у Норманови. Вслѣдствіе этого И. И. Срезневскій (Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1850, стр. 148; срав. теперь Словарь Миклошича) отстаивалъ славянское происхожденіе слова «нетій», встрѣчающагося два раза въ Игоревомъ договорѣ. Но все-таки славянское происхожденіе его болѣе чѣмъ сомнительно. Вошли же въ нѣмецкій языкъ Onkel и Tante въ замѣнъ старинныхъ Oheim и Muhme.

Протоарійское наптâ (откуда греч. ἀνεψιός, лат. nepos, др.-нѣм. nĕfo, исл. nefi; nefi Knûts = сестричинъ короля Кнута и т. д.) безъ сомнѣнія, было въ употребленіи и у славяно-литовскаго племени, но замѣнено какъ Литовцами такъ и Славянами, другими выраженіями. Слово нетій вошло въ сла-

кумента мы узнаемъ даже имена обоихъ сыновей этихъ сестеръ Игоря: ихъ звали *Акунъ* и *Игорь* — все чисто норманскія имена въ славянской формѣ, изъ которыхъ Игорь и Рюрикъ долго держались въ княжескомъ родѣ. Съ какою цѣлью было лѣтописцу выдумывать для Игорева отца чисто скандинавское имя *Рюрика*, а не другое славянское или скандинавское имя? На этотъ вопросъ антинесторовцы, не срамясь на всю Европу, никогда не дадутъ связнаго положительнаго отвѣта. Даже такому завзятому скептику какъ г. Гедеоновъ этотъ легкій способъ отрицанія показался совершенно ненаучнымъ не вслѣдствіе теоретическихъ только соображеній, но также и потому, что г. Гедеоновъ знакомъ съ исходомъ подобныхъ скептическихъ попытокъ въ исторической литературѣ вообще. Понятно, что норманофобамъ претятъ норманскія формы княжескихъ именъ, какъ-то Рюрикъ, и др., особенно послѣ замѣчанія Погодина (Борьба, стр. 279):

„Имена Рюрикъ, Олегъ, Руальдъ, Свѣнальдъ,—какъ вы ихъ ни мучьте, не отзовутся вамъ по-славянски“.

Вами, господа антинесторовцы, допускается же историческое значеніе родословій, въ родѣ списка князей или хановъ языческихъ Болгаро-Тюрковъ (см. ниже стр. 128) и множество подобныхъ памятниковъ и не считаете же вы упоминаемыя въ нихъ имена выдуманными только на томъ основаніи, что изъ этихъ именъ два или три не встрѣчаются у Византійцевъ. Если бы русская лѣтопись назвала намъ имя отца Рюрика и имя его дѣда и т. д. и дала имъ въ родоначальники Одина или Ингви, то въ такомъ случаѣ, дѣйствительно, сомнѣніе было бы позволительно и тогда пришлось бы ради осторожности въ изложеніи историческихъ фактовъ обозначать въ учебникахъ русской исторіи отца Игоря буквами NN. На скандинавскомъ сѣверѣ распространено было множество родословій, которыя вначалѣ передавались

вянскій языкъ вѣроятно во время владычества Готовъ. Коренная придыхательная f (происшедшая изъ p по извѣстному закону передвиженія согласныхъ) исчезла въ готской и скандинавскихъ формахъ вслѣдствіе перехода твердаго t въ придыхательныя þ (th) и ð (dh). Готскому nithij-s соотвѣтствуетъ норв.-исландское nidh-r (см. Словарь Вигфуссона, стр. 454), др.-шв. nith, nithar(arf) и др.-датск. (na)nithi.

отъ одного поколѣнія другому устно, при чемъ конечно имена и порядокъ именъ не избѣгали искаженій, а впослѣдствіи записывались въ лѣтописи и саги. Имя родоначальника княжившаго въ Кіевѣ дома могло очень легко сохраниться въ памяти потомства его впродолженіе трехъ, четырехъ поколѣній посредствомъ устной передачи отъ одного поколѣнія другому, пока наконецъ не было записано лѣтописцемъ. Но антинесторовцы разъ на всегда покончили съ Рюрикомъ и намъ остается въ утѣшеніе только размышлять о томъ, имѣли ли, дѣйствительно, Игорь и его сестры отца, или нѣтъ? Можетъ статься, послѣднее покажется невозможнымъ. Отчего же? У средневѣковыхъ лѣтописцевъ и у нашихъ миѳомановъ все возможно. Выдумалъ же самъ преподобный Несторъ небывалаго отца для убійцъ Бориса Владиміровича: „Суть же имена симъ законопреступникомъ — Путьша, и Талецъ, Еловить, Ляшьско, отецъ же ихъ Сотона". Далѣе, разсказываютъ же Адамъ-бременскій и Чукча Дауркинъ, что амазонки въ Ботническомъ заливѣ и въ Ледовитомъ морѣ оплодотворяются первыя — черезъ питье воды, а вторыя морскими волнами во время купанья (см. ниже стр. 80). Наши любители миѳовъ этому, конечно, не повѣрятъ и только потому не повѣрятъ, что Адамъ-бременскій и Дауркинъ были не болѣе какъ современниками упоминаемаго ими факта, но отнюдь не очевидцами и не участниками его.

Согласимся съ крайними норманофобами, что Игорь и его сестры не имѣли отца, что Рюрикъ— нарочно выдуманное лице, что вся Несторова лѣтопись наполнена всякаго рода баснями, сказками и невѣрными преданіями, что сказаніе о призваніи Варяго-Русовъ Финнами и Славянами чистѣйшій миѳъ или по крайней мѣрѣ принадлежитъ къ числу странствующихъ сагъ, — какъ согласовать съ этими голословными предположеніями свидѣтельства иностранныхъ авторовъ IX и X вѣка о появленіи какихъ-то, прежде на Черномъ и Каспійскихъ моряхъ не виданныхъ и не слыханныхъ моряковъ Русо-Норманновъ? По какому поводу венеціанскій лѣтописецъ, папа Николай, императоръ Людовикъ II, Ломбардъ Ліудпрандъ, независимо другъ отъ друга, приводятъ въ ближайшую связь между собою имена Русовъ и Норманновъ? Почему императоръ Левъ не упоминаетъ о „такъ

называемыхъ Сѣверныхъ Скиѳахъ“ въ Главѣ о Славянахъ и ихъ военномъ устройствѣ, а посвящаетъ имъ отдѣльный параграфъ въ Главѣ о морскомъ дѣлѣ, гдѣ, опять, помину нѣтъ о Славянахъ? Что заставило императора Константина-багрянороднаго, неизвѣстнаго автора сказаній, сохранившихся у Персіянина Кардизи и у Персо-Араба Ибнъ-Дустеха, и наконецъ, Араба Масъуди строго отличать Славянъ отъ Русовъ, какъ два отдѣльныхъ народа? Всѣ попытки ослабить смыслъ этихъ свидѣтельствъ окажутся тщетными какъ въ отношеніи Нормановъ и Пагановъ 865 г., упоминаемыхъ Итальянцами, такъ и въ отношеніи Кардизи. Если же самый *фактъ* призванія потрясенъ, то на основаніи упомянутыхъ свидѣтельствъ все же остается допустить, что какіе-то норманскіе моряки, не изъ рода прѣсноводныхъ, насильно утвердились въ землѣ Чуди и Славянъ, и на берегахъ Киммерійскаго босфора, подобно Норвежцу Ролло въ Нормандіи, датскимъ Іомсвикингамъ въ Помераніи, ютскимъ князьямъ Рорику старшему и младшему во Фрисландіи, датскому Акуну въ прусской Самландіи и многимъ другимъ атаманамъ норманскихъ дружинъ на Британскихъ островахъ. Другими словами, мы должны бы были тогда непремѣнно предположить *завоеваніе* Норманами сѣверозападной части нынѣшней Россіи, — предположеніе тѣмъ болѣе возможное, что гораздо болѣе обширная область на юго-востокѣ уже была *завоевана* и впродолженіе нѣсколькихъ поколѣній принадлежала Хазарамъ. Или не пожелаютъ ли противники Нестора и этого факта вычеркнуть изъ русской лѣтописи? Поступая послѣдовательно, они должны бы были рѣшиться на это. Едва ли только имъ кто повѣритъ, что Хазарамъ приписано было завоеваніе лишь кѣмъ-нибудь изъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ. Если Несторъ и нашелъ что-нибудь записаннымъ раньше, то навѣрно извѣстія о походахъ предпринимавшихся варяго-русскими князьями съ 882 по 966 годъ съ цѣлью освобожденія Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей отъ гнета азіатскаго деспотизма. Но въ такомъ случаѣ и вытѣсненіе Хазаръ изъ главнаго города Полянъ, Кіева, Аскольдомъ и Диромъ является вполнѣ естественнымъ фактомъ, хотя бы извѣстіе о немъ и было заимствовано Несторомъ изъ устныхъ преданій, а не изъ письменныхъ источниковъ.

Вообще владычество Хазаръ надъ Славянами вполнѣ подтверждается Арабами и между прочими также и Ибрагимомъ Ибнъ-Якубомъ, который не могъ себѣ иначе представить властвованія Русовъ въ землѣ Славянъ, какъ слѣдствіемъ завоеванія, такъ какъ о призваніи Русовъ ему ничего не было извѣстно. Впрочемъ видно изъ иностранныхъ источниковъ, упоминающихъ объ отношеніяхъ Варяго-Русовъ къ Славянамъ, что это завоеваніе вовсе не было похоже на завоеванія напр. Франковъ въ Галліи, Мадьяровъ въ Панноніи, нѣмецкихъ рыцарей въ Пруссіи, Лифляндіи и т. п., и не сопровождалось ни лишеніемъ поземельной собственности, ни лишеніемъ личной свободы. А такое положеніе туземнаго народонаселенія несовмѣстно съ понятіями властителей и народовъ среднихъ временъ о завоеваніи.

Со временемъ, можетъ быть, многіе норманофобы зададутъ себѣ вопросъ: „Да не лучше ли уже, вмѣсто завоеванія допустить призваніе“? Косвенно оно подтверждено однажды свидѣтельствомъ Сакса Видукинда. Что же касается существованія самыхъ поводовъ къ призванію, то оно подтверждается поразительными примѣрами подобныхъ же призваній въ средніе вѣка, какъ у Славянъ, такъ и у другихъ народовъ (См. также ниже стр. 166). Рѣшеніе, принятое взаимно-враждававшими финнско-славянскими племенами, было *геройское*. Послѣдствія доказываютъ лучше всего политическую прозорливость тѣхъ, кто впервые сознали недостатокъ государственнаго центра и стали искать его въ монархіи. Другіе Славяне не нашли въ себѣ достаточно нравственныхъ силъ для подобнаго геройскаго рѣшенія и потому погибли. Еще около 600 года, одинъ Грекъ-сановникъ или императоръ Маврикій, писавшій о внутреннемъ состояніи Славянъ-язычниковъ подмѣтилъ болѣзнь, препятствовавшую славянскимъ племенамъ отказаться отъ ихъ политически обособленной жизни и сплотиться въ прочную государственную форму; болѣзнь эта — ложное понятіе о личной свободѣ. По свидѣтельству Маврикія у Славянъ было много князьковъ, которые жили между собою въ постоянномъ несогласіи (ἀσυμφώνως). Также и императоръ Левъ, списавшій трудъ Маврикія и распространившій его согласно измѣнившимся обстоятельствамъ, очень выразительно замѣтилъ, что Славяне (южные) вслѣдствіе своего стремленія

что Русы (Rúsii) то же самое, что *мы* (словомъ nos на языкѣ Ліудпранда обозначаются итальянскій и нѣмецкій народы) называемъ Норманами, старается г. Гедеоновъ ослабить инымъ путемъ, иными доводами и называетъ Ліудпранда ученымъ педантомъ, перепутавшимъ и перенесшимъ имя „Норманъ" на „Русовъ". Вслѣдъ за этой атакой г. Гедеоновъ (Предисловіе, стр. X) предлагаетъ защитникамъ Ліудпранда цѣлый рядъ категорическихъ вопросовъ, отъ отвѣтовъ на которые зависѣть будетъ, по его мнѣнію, рѣшеніе: „есть ли еще норманская система? и можемъ ли мы признать за норманскою школою даже право диспута"? По отношенію къ Ліудпранду предлагается вопросъ: „Какое значеніе придаетъ норманская школа въ настоящемъ 1876 году свидѣтельствамъ Ліудпранда и Константина...?" Представители остатковъ „de la grande armée normande" должны быть прежде всего благодарны г. Гедеонову за то, что онъ, по крайней мѣрѣ, не считаетъ, подобно настоящимъ норманоѣдамъ, норманскую школу за умершую, но полагаетъ ея дальнѣйшее существованіе въ зависимости отъ нѣкоторыхъ условій, хотя и питаетъ весьма слабую надежду на мало-мальски прочное возрожденіе ея. Простая вѣжливость уже должна заставить вопрошаемыхъ дать отвѣтъ. Въ отношеніи къ Ліудпранду можно пока указать только на то, что въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій немногихъ средневѣковыхъ историковъ изучили за границей такъ тщательно, какъ Ліудпранда со всѣми его недостатками. Несмотря на то, однако, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Ліудпрандъ осуждался учеными порицателями своими въ западной Европѣ именно за свою этнографическую терминологію, какъ невѣжда или какъ безтолковый писатель. Норманскіе „софисты" конечно будутъ на столько благоразумны, что не ограничатся въ своемъ отвѣтѣ однимъ свидѣтельствомъ Ліудпранда. Это было бы несовмѣстимо и съ требованіями хронолого-генетическаго метода. Эверсъ (по Байеру) зналъ только *одно* свидѣтельство подобнаго рода, именно, свидѣтельство Ліудпранда. Но Ломбардецъ Ліудпрандъ, писавшій около 960 г., является не древнѣйшимъ, а только младшимъ изъ писателей, отождествлявшихъ Норманов съ Русами. Съ 1838 года сталъ извѣстенъ „*Nortmannorum chaganus*" (упоминаемый въ посланіи импе-

ратора Людвига II отъ 871 года къ императору византійскому), а въ 1845 г. открыты *Normanorum gentes* венеціанской лѣтописи (выраженіе, относящееся къ Аскольдовой Руси 865 года). Теперь мы можемъ присоединить сюда свидѣтельство папы Николая отъ 865 года о поганыхъ, (pagani въ смыслѣ Normanni) и, наконецъ, прибавить еще свидѣтельство Араба Якуби о томъ, что *„Маг'усы, которые* (въ Малой Азіи около 890 г.) *называются Русъ“*, ограбили въ 844 году Севилью, такъ какъ Арабы въ то время называли Маг'усами (язычниками) преимущественно Нормановъ, и такъ какъ эти же самые грабители Севильи современниками-лѣтописцами христіанской Испаніи называются ясно и вездѣ Normann'ами. Даже въ 1875 г., когда надъ норманистами уже занесенъ былъ мечъ, они зашли такъ далеко въ своемъ высокомѣріи, что дерзнули открыть, будто имя Нормановъ встрѣчается у самихъ Византійцевъ во времена Олега. По ихъ мнѣнію, встрѣчающееся только у одного императора Льва-мудраго названіе морскаго народа *такъ называемыхъ Сѣверныхъ Скиѳовъ* (Οἱ λεγόμενοι Βόρειοι Σκύθαι) должно быть въ силу однихъ уже филологическихъ основаній принято не въ географическомъ, а въ этнографическомъ смыслѣ и, можетъ быть, есть ничто иное, какъ греческая парафраза латинскаго выраженія „Normanni“. Такъ ли это?

Такимъ образомъ у насъ теперь 4 свидѣтельства изъ IX и одно изъ X столѣтія, въ которыхъ выраженіе *Русы* употребляется какъ синонимъ *Нормановъ*. Съ этимъ соглашаются и антинесторовцы; но они прибѣгаютъ къ совершенно своеобразному толкованію вышеупомянутыхъ текстовъ съ цѣлью не видѣть въ нихъ подтвержденія словъ Нестора („къ Варягамъ къ Руси“ = ad Normannos, qui vocantur Rusii). Ихъ, конечно, бранить нельзя, — слѣдуетъ напротивъ еще похвалить за то, что они предварительно задаютъ себѣ вопросъ: дѣйствительно ли подъ Норманами эти писатели разумѣли тотъ же самый народъ, который разумѣемъ подъ этимъ именемъ и мы, т. е. Скандинавовъ? и если тотъ или другой (средневѣковый) писатель дѣйствительно понималъ это слово такъ же, какъ мы, то былъ ли онъ въ свое время достаточно хорошимъ знатокомъ народностей, чтобы отличать точно Нормановъ отъ Славянъ?

Выше уже было упомянуто, что антинесторовцы относительно существенныхъ сторонъ этихъ вопросовъ даютъ одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Но нельзя не сознаться, что самыя основанія ихъ отрицаній любопытны. Одни изъ нихъ, какъ настоящіе sabreurs, много надъ отвѣтомъ головы не ломаютъ. У нихъ выходитъ коротко: латинскіе писатели принимали славянскихъ пиратовъ за норманскихъ, потому что они однихъ только послѣднихъ и знали. Откуда же это имъ извѣстно? Конечно уже не изъ тщательнаго изученія источниковъ. Подобный скороспѣлый отвѣтъ въ западной Европѣ обыкновенно прощается только начинающимъ исторіографамъ (historiens novices). Болѣе обдуманности встрѣчаемъ у антинесторовцевъ, высказывающихъ предположеніе, что латинскіе писатели употребляли слово „Nordmanni" также и въ чисто географическомъ значеніи, а слѣдовательно, разумѣли подъ этимъ словомъ въ числѣ прочихъ народовъ и Славянъ днѣпровскихъ, балтійскихъ и др. Въ пользу этого мнѣнія склоняется и г. Гедеоновъ, но онъ отличается отъ другихъ представителей той же школы тѣмъ, что старается свой взглядъ оправдать на основаніи латинскихъ же источниковъ. Поводъ къ этому дала ему статья Круга объ употребленіи имени „Nordmanni" въ средніе вѣка, статья, далеко уже неудовлетворительная для нашего времени. Но и г. Гедеоновъ далеко не исчерпалъ предмета, о которомъ говоритъ въ своемъ вступленіи къ Ліудпранду; притомъ, онъ въ этомъ вступленіи преимущественно занялся писателями XI и XII столѣтій, т. е. того времени, когда уже стали повсюду извѣстны Шведы, Датчане и Норвежцы, а память о морскихъ разбойникахъ, называвшихся Норманами, значительно уже ослабѣла.

Вообще, коль скоро термину „Normanni" придается не то значеніе, которое ему даютъ во всемъ ученомъ мірѣ, варяго-русскому вопросу приходится предстать предъ иной форумъ, предъ *форумъ международный.* Неужели же дѣйствительно Итальянцы IX и X столѣтій были столь невѣжественны и безтолковы, что 4 итальянскихъ писателя не знали, кто такіе были Норманы и какого нрава были норманскіе пираты? И если бы это такъ и было, то неужели цѣлыя поколѣнія западно-европейскихъ ученыхъ могли бы не замѣтить подоб-

ной ошибки у этихъ четырехъ писателей? Считать ли также и (мнимо ложный) взглядъ Араба Якуби на тождество Норманов и Русовъ взглядомъ совершенно исключительнымъ и случайнымъ? или не найдемъ ли мы, что этотъ взглядъ подтверждается показаніями соотечественниковъ Якуби IX и начала X столѣтія? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ почтеннаго Нестора, конечно, придется устранить вовсе, такъ какъ онъ принадлежитъ къ слишкомъ позднему вѣку.

To be, or not to be: that is the question

въ настоящее время какъ для несторовцевъ, такъ и для антинорманской школы. Если бы первые даже и пожелали оставить все дѣло на произволъ судьбы, то западные Славяне и весь заграничный ученый міръ до тѣхъ поръ не успокоились бы, пока значеніе столь общераспространеннаго термина не перестало быть столь шаткимъ. Вотъ почему лучше, если бы къ этому дѣлу приложили руки мы сами, т. е. всѣ русскіе ученые какъ несторовцы, такъ и противники Нестора. Предстоящая намъ задача ясна. Все группируется около вопроса: *„Употреблялось ли въ латинскихъ источникахъ 8 и 9 столѣтій выраженіе „Nortmanni“ у различныхъ народовъ въ какомъ-нибудь неопредѣленномъ географическомъ значеніи, или же оно употреблялось въ опредѣленномъ (этнографическомъ) смыслѣ, т. е. обозначало исключительно Скандинавовъ?“*

Свидѣтельствъ, относящихся къ Норманамъ, имѣется цѣлая бездна: ихъ можно насчитать сотни изъ разныхъ земель, изъ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи и Италіи и встрѣчаются они не только въ необозримомъ ряду лѣтописей и хроникъ, но и въ иныхъ многочисленныхъ памятникахъ, какъ-то, въ біографіяхъ, въ легендахъ о святыхъ, въ письмахъ, въ законахъ, въ грамотахъ, въ синодикахъ и синодальныхъ актахъ и даже въ литературныхъ произведеніяхъ [1]). И

---

[1]) Желающіе посвятить свой трудъ этой задачѣ найдутъ богатый матеріалъ для времени 777 — 879 въ Chronicon Nortmanorum. Auctore Kruse. (Dorp. 1851 in-4°). Впрочемъ еще Dozy (Recherches sur l'histoire de l'Espagne. Sec. édit. Tome sec. Leyde 1860, p. 271) убѣдился въ томъ, что многіе памятники не вошли въ составъ этого сборника. Между прочимъ въ немъ пропущены нѣсколько свидѣтельствъ времени папы Николая. См. ниже стр. 166.

Крузе, составляя свое собраніе, былъ воодушевленъ самыми лучшими на-

такъ, смѣло за работу! Пусть тому, кто найдетъ въ письменныхъ памятникахъ этихъ двухъ столѣтій хотя бы 4 мѣста (въ pendant къ указаннымъ нами выше 4 мѣстамъ), въ которыхъ словомъ „Normanni" неопредѣленно обозначались бы вообще всѣ на сѣверѣ живущіе народы, пусть тому счастливому искателю возложенъ будетъ на чело лавровый вѣнокъ въ торжественномъ сонмѣ ученыхъ въ Рюриковой Старой Ладогѣ или во второмъ градѣ Рюрика — на Городищѣ подъ Новымъ-городомъ, или въ Кіево-печерской Лаврѣ. При этомъ побѣдномъ торжествѣ экснорманисты, конечно, должны непремѣнно тоже быть на лице и во искупленіе своихъ ученыхъ прегрѣшеній должны будутъ собственноручно вручить распорядителю праздника вѣнокъ, назначенный для украшенія главы счастливаго изыскателя. Если же, напротивъ, никакихъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе „еретическаго" мнѣнія не отыщется, то антинесторовцы, вѣроятно, и сами сознаются, что имъ слѣдуетъ примириться съ тѣнью покойнаго М. П. Погодина. Онъ, незаботясь о болѣе точныхъ доказательствахъ, по инстинктивной догадкѣ въ 1874 г. высказалъ, что „Normanorum gentes" 865 года не можетъ ни къ кому относиться, кромѣ Скандинавовъ. И если окажется, что онъ въ этомъ отношеніи былъ правъ, то противники его должны будутъ въ слѣдъ за нимъ признать свидѣтельство венеціанскаго лѣтописца какъ „наиважнѣйшее и драгоцѣннѣйшее" для рѣшенія спора о варяго-русскомъ вопросѣ. Въ этомъ удовлетвореніи норманофобы, если они только желаютъ быть справедливы, не имѣютъ права отказать памяти достойнаго критика.

Антинорманистамъ, конечно, слѣдуетъ торопиться отысканіемъ изъ указанныхъ нами выше латинскихъ источниковъ матеріала для

мѣреніями; мы и послѣ его смерти должны быть ему благодарны за его Сборникъ. Въ настоящее время, конечно, продолженіе его труда должно бы издаваться по нѣсколько измѣненной системѣ, но еще полезнѣе было бы изданіе латинскихъ меньшаго объема извѣстій о древнихъ Славянахъ.

Здѣшнее археологическое общество лѣтъ десять тому назадъ учредило премію за собраніе арабскихъ извѣстій о Русахъ до XII столѣтія. Программа, впрочемъ, обнаруживала неправильный взглядъ и на объемъ задачи и на трудности ея. Позже (въ 1871 г.) снова поднятъ былъ вопросъ объ этомъ. Но, кажется, общество опять отказалось отъ своего намѣренія.

объясненія въ свою пользу тѣхъ четырехъ свидѣтельствъ отъ 865, 871, 941 (960), которыя мы приводимъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія о значеніи выраженія „Normanni". Иностраннымъ знатокамъ средневѣковыхъ источниковъ покажется страннымъ, что именно въ тѣхъ 4 свидѣтельствахъ, въ которыхъ Норманы отождествляются съ Русами, терминъ „Normanni" долженъ имѣть исключительное особенное значеніе, не то, которое имѣетъ оно въ многочисленныхъ другихъ свидѣтельствахъ, и безъ сомнѣнія, это расположитъ западно-европейскихъ ученыхъ прійти къ тому убѣжденію, что антинесторовцы сами грѣшатъ тенденціознымъ толкованіемъ источниковъ. Антинорманистамъ остается одно только средство отстранить отъ себя подобный упрекъ,—доказать, что упомянутые нами 4 писателя не умѣли отличать Норманов отъ Славянъ. Подобная попытка уже была учинена по отношенію къ Ліудпранду (см. выше стр. 024). По поводу свидѣтельства папы Николая антинесторовцы еще не высказали своего мнѣнія; свидѣтельство же венеціанской хроники въ 1876 г. четверо изъ антинесторовцевъ отвергли безъ дальнихъ размышленій и разговоровъ, какъ лишенное всякаго значенія. Нельзя не замѣтить, что Погодинъ съ венеціанской хроникой, ея чтеніемъ и толкованіемъ, застигъ антинорманистовъ врасплохъ, и нельзя не предвидѣть, что съ голословнымъ осужденіемъ этого памятника съ точки зрѣнія норманофобовъ ни въ Италіи, ни въ другихъ земляхъ никто не согласится и что тамъ предъявлены будутъ нѣсколько иныя требованія научнаго изслѣдованія. Нѣтъ сомнѣнія, что тамъ потребуютъ доказательствъ и не повѣрятъ на слово, будто венеціанскій лѣтописецъ IX или X столѣтія могъ быть столь малосвѣдущъ, что принималъ слово „Normanni" въ чисто географическомъ значеніи или смѣшивалъ Нормановъ съ другими народами. На этомъ требованіи, которое также относится и къ папѣ Николаю, будутъ настаивать тѣмъ сильнѣе, что нѣтъ вовсе недостатка въ историческихъ источникахъ, по которымъ можно бы было воспроизвести какъ этнографическія понятія, такъ и вообще все міросозерцаніе Венеціанцевъ и Римлянъ того времени.

Очевидно, что этихъ требованій никакъ не помирить съ тѣмъ высокомѣрнымъ произволомъ, съ которымъ въ 1876 г. устранено было

свидѣтельство венеціанской хроники. Норманистовъ такъ часто упрекали ихъ противники въ „софистическихъ“ и ненаучныхъ пріемахъ и въ высокомѣріи, что этимъ противникамъ не мѣшало бы хоть разъ, и именно вотъ въ этомъ случаѣ, на дѣлѣ показать строгую научность своихъ собственныхъ пріемовъ изслѣдованія. Такъ какъ они отвергаютъ единогласно свидѣтельство 865 г., то будутъ они, конечно, въ состояніи предпринять и общій походъ противъ 2 древнѣйшихъ латинскихъ свидѣтельствъ и разрѣшеніемъ „viribus unitis“ этой задачи навсегда устрашить тѣнь Погодина. Одинъ критикъ, недавно еще произнесшій безаппеляціонный смертный приговоръ школѣ норманистовъ, высказалъ мнѣніе, что послѣдователи ея уже не въ состояніи болѣе собрать и соединить силы свои для отпора постигшаго ихъ удара. Мы со своей стороны далеко не столь жестоки и желаемъ нашимъ погубителямъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о ихъ существованіи, совершенно противнаго тому, что̀ они намъ желаютъ, т. е. не гибели, а полнаго успѣха. Это желаніе тѣмъ искреннѣе, что, по нашему твердому убѣжденію, пришло время, когда трудные вопросы въ области исторіи должны разрѣшаться вѣрнѣе всего *соединенными* усиліями спеціалистовъ. Но не упрекнутъ ли насъ, быть можетъ, въ склонности къ иллюзіямъ? Дѣйствительно, можемъ ли мы ожидать, чтобы норманофобы, разладъ которыхъ мы изобразили выше въ возможно мягкихъ краскахъ, въ этомъ единственномъ случаѣ подали другъ другу руку? Было бы дивомъ, если бы это случилось. Норманофобы, конечно, и сами сознаютъ тяжесть своего положенія. Вѣроятно, многіе изъ нихъ теперь, когда несторовцы вытѣснены съ прежней ихъ позиціи, не разъ повторяютъ про себя: „Наша дружина велика и бранлива, но гармоніи въ ней нѣтъ, поищемъ себѣ князь-папу, который судилъ бы насъ по праву“. Да и возможно ли еще найти подобному предположенію общее сочувствіе? Судя по опытамъ, такъ часто повторявшимся у насъ въ исторіи научныхъ споровъ, сильной надежды питать въ этотъ случаѣ не слѣдуетъ. Для подобной рѣшимости требуется значительная доза самоотверженія, котораго ожидать можно менѣе всего отъ варягобойцевъ, такъ какъ всякій изъ нихъ (не исключая норманистовъ), воображаетъ, что попалъ на своей гармоникѣ въ самый тонъ и продол-

жаетъ уже въ этомъ тонѣ безъ удержу. Любопытно было бы узнавать, какая изъ двухъ школъ богаче разстроенными гармониками?

Едва ли когда антинесторовцы нуждались такъ въ сплоченіи раздробленныхъ силъ своихъ, какъ въ настоящее время, и имъ нельзя не пожелать по крайней мѣрѣ наставника, который своимъ авторитетомъ и извѣстнаго рода смѣлостью своихъ пріемовъ могъ бы скрывать отъ зрителей ихъ несогласіе, пока исходъ великой борьбы съ итальянскими и западно-европейскими учеными по поводу 4 итальянскихъ свидѣтельствъ не будетъ вообще склоняться въ пользу антинорманистовъ. Къ счастью норманофобовъ такой атаманъ[1]) уже нашелся и они тѣмъ смѣлѣе могутъ довѣриться ему, что онъ еще давно, при самомъ началѣ послѣдняго періода варягоборства выдержалъ турниръ съ „софистомъ“. Должно полагать, что побѣдоносный богатырь 1860 г. заржавѣвшее, можетъ быть, отъ времени оружіе свое наточилъ снова, чтобы навсегда доконать защитниковъ русской лѣтописи и норманскаго происхожденія Варяго-Руссовъ, въ случаѣ если бы эти защитники попытались еще разъ пикнуть.

Въ нынѣшнемъ году, также какъ и въ 1860 г., Н. И. Костомаровъ поздравилъ Несторовцевъ съ новымъ годомъ, но поздравленіе это сопровождалось не пожеланіемъ счастія претерпѣвшимъ до конца витязямъ, а заупокойнымъ возгласомъ по скончавшимся въ агоніи литературнымъ врагамъ. Впрочемъ, мы открыто благодаримъ за то нашего архиантинорманиста; возгласъ этотъ по пословицѣ: de mortuis nil nisi bene, отзывался какимъ-то добродушіемъ, способнымъ ввести читателя въ заблужденіе [2]). Спокойно высказанное осужденіе вер-

---

[1]) Когда наши оріенталисты наконецъ намъ объяснятъ, изъ какого тюркскаго или восточнаго языка слово «атаманъ» попало въ русскія и латинскія грамоты? Для отчаянныхъ норманистовъ созвучіе между велико- и западнорусскимъ «атаманъ» и древне-фризскимъ ataman (judex) очень соблазнительно. Но это созвучіе можетъ быть случайнымъ.

[2]) См. статью, помѣщенную въ Русск. Старинѣ (стр. 159—184) по поводу слѣдующихъ сочиненій: Исторія Россіи, соч. Д. Иловайскаго. Ч. I. Кіевской періодъ. Москва 1876. — Разысканія о началѣ Руси, соч. Д. Иловайскаго. Москва 1876.—Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, И. Забѣлина Ч. I. Москва 1876.—Варяги и Русь. Историческое изслѣдованіе С. Гедеонова. Ч. I и II. Спб. 1876.

ховнаго судьи не только глубоко огорчило несторовцевъ, но еще и заставило ихъ серьезно задуматься надъ вопросомъ, кто же изъ двухъ: они или норманофобы въ области лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій до сихъ поръ слѣдовали ненаучному методу? По приговору судьи, состоявшемуся 1-го января, кругомъ виноваты несторовцы, которые потому и не имѣютъ права пребывать въ храмѣ науки, а могутъ стоять развѣ только въ притворѣ онаго. Еще въ отдѣлѣ о Разысканіяхъ Д. И. Иловайскаго (Русск. Старина, стр. 165) читатель статьи г. Костомарова предвкушаетъ уже взглядъ автора на безусловное и полное ничтожество ученія несторовцевъ.

«Разрушена г. Иловайскимъ норманская система, но она была, такъ сказать, плохо сколочена и уже въ значительной степени расшатана и подкопана трудами другихъ ученыхъ; она основывалась главнымъ образомъ на произвольно-истолкованномъ смыслѣ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей лѣтописи, къ которымъ требовали безусловной вѣры въ понимаемый извѣстнымъ способомъ лѣтописный текстъ, вѣры словно въ какое-то евангеліе, тогда какъ по самому свойству, общему всѣмъ историческимъ письменнымъ источникамъ, надобно было искать въ лѣтописи не столько несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, сколько народныхъ преданій, сказаній и вѣрованій».

Если бы столь категорично обвиненные здѣсь, вздумали возражать по поводу приведенной характеристики, ихъ, безъ сомнѣнія, упрекнули бы и въ умственной косности и въ высокомѣріи; но, полагаю, имъ можно будетъ къ этой характеристики присовокупить нѣсколько замѣтокъ по поводу исторіи варягоборства. Мы, экснорманисты узнаемъ изъ январской статьи г. Костомарова впервые, что „норманская система“ разрушена Д. И. Иловайскимъ. По мнѣнію ученыхъ прошлаго поколѣнія, она была разрушена еще Эверсомъ; затѣмъ снова была уничтожена Каченовскимъ и его послѣдователями, и наконецъ на нашей еще памяти въ 1860 г. она была окончательно низринута г. Костомаровымъ, о чемъ тогда же былъ извѣщенъ весь свѣтъ безчисленными статьями и карикатурами.

Найдутся, конечно, люди, которые изъ того, что „норманская школа“ такъ часто разрушалась и возникала снова, выведутъ заключеніе, что она въ концѣ концевъ неуязвима и непобѣдима, а нѣкото-

рые черезъ-чуръ скептическіе умы, вслѣдствіе этихъ частыхъ оглашеній о несостоятельности и гибели норманской школы, придутъ, пожалуй, къ убѣжденію, что она совсѣмъ и не думала погибать. Хотя экснорманистамъ, въ качествѣ осужденныхъ, приличнѣе всего безмолвно дожидаться того времени, когда эти спектики подкрѣпятъ свои подозрѣнія какими-нибудь сильными доводами; но тѣмъ не менѣе нельзя требовать отъ экснорманистовъ, чтобы они въ настоящее время не смѣли даже заявить, что соглашеніе высказаннаго г. Костомаровымъ въ первой строкѣ вышеприведенной статьи съ тѣмъ, что̀ писалъ тотъ же г. Костомаровъ въ 1860 г. (во многихъ своихъ статьяхъ во время своего спора съ Погодинымъ), превышаетъ силы экснорманистовъ. На основаніи собственнаго увѣренія виновника жмудской теоріи, заявленнаго имъ въ 1860 г., честь истребленія норманской школы принадлежитъ скорѣе ему самому, а отнюдь не Д. И. Иловайскому, вѣровавшему еще въ то время въ норманское евангеліе [1]).

Второй пунктъ, относительно котораго мы, отринутые и оглашенные, позволимъ себѣ сдѣлать скромное замѣчаніе, касается упрека въ томъ, что норманская школа главнымъ образомъ основываетъ доводы свои на извѣстныхъ только мѣстахъ русской лѣтописи, которыя притомъ она еще толкуетъ произвольно и т. п. Дѣйствительно, судя по этимъ отзывамъ, болѣе ненаучной исторической школы, какъ норманская, не было еще нигдѣ во всей Европѣ. Можно ли, вообще, еще говорить о норманской школѣ? Скорѣе, не миѳъ ли она сама по себѣ? Во всякомъ случаѣ непонятно, какъ могла такая во всѣхъ отношеніяхъ деспотическая школа существовать такъ долго, — первый норманистъ заявилъ о себѣ въ 1615 г., хотя и довольно неудачно, — не возбуждая противъ себя общаго крика негодованія и не погибая въ конецъ подъ ударами норманофобовъ. Здѣсь можно допустить только одно объясненіе: или норманская школа дѣйствительно стоитъ внѣ

---

[1]) Статьи, вызванныя появленіемъ жмудской теоріи значатся въ Русской исторической библіографіи. Годъ 1860, № 228—278, 4898 и Годъ 1861, № 249. Объ одной каррикатурѣ см. «Каспій», стр. 447. О другой замѣчательной каррикатурѣ тамъ еще не упомянуто.

науки и поддерживала до сихъ поръ свое призрачное существованіе софизмами и другими искусственными средствами, или же между представителями норманской школы и г. Костомаровымъ лежитъ относительно пониманія научнаго метода бездонная пропасть, которая хотя и незамѣтна для научныхъ профановъ, но которую тѣмъ не менѣе никакими фразами нельзя ни закрыть, ни перейти. Отсюда ясно, велъ ли Погодинъ жаркій споръ съ 1860—1874 г. о различныхъ предметахъ русской исторіи съ нашимъ верховнымъ судьею въ интересахъ науки, или изъ одного только личнаго тщеславія и ученаго упрямства? Хотя всякій отвѣтъ экснорманистовъ на этотъ вопросъ, какъ бы ни былъ отвѣтъ зрѣло обдуманъ, долженъ встрѣтить недовѣріе среди противниковъ норманства, тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ согласиться съ мнѣніемъ, что Погодинъ, постоянно признававшій право свободнаго изслѣдованія, въ этомъ спорѣ не совсѣмъ былъ свободенъ отъ одностороннихъ патріотическихъ взглядовъ.

Вышеупомянутое обвиненіе въ томъ, что норманская школа главнымъ образомъ опирается на лѣтопись Нестора, относится преимущественно къ Погодину. Спору нѣтъ, за Погодинымъ останется та заслуга, что онъ въ своей магистерской диссертаціи 1825, которую впослѣдствіи съ небольшими измѣненіями включилъ въ свои „Изслѣдованія“,— сопоставилъ исвѣстія Кіевской лѣтописи о Варягахъ и т. д., сравнилъ эти извѣстія между собою и согласовалъ ихъ по мѣрѣ возможности съ извѣстіями источниковъ иностранныхъ. Правда, содержащуюся во многихъ мѣстахъ лѣтописи силу доводовъ, которые могутъ служить въ пользу ученія о норманскомъ происхожденіи Варяго-Русовъ, онъ ослабилъ тѣмъ, что не разъяснилъ точнѣе, которыя изъ этихъ мѣстъ Несторъ (или собственно редакторъ дошедшаго до насъ лѣтописнаго Свода) нашелъ уже письменно изложенными и которыя онъ во 2-й половинѣ XI столѣтія записалъ самъ по преданію или на основаніи собственныхъ соображеній. Даже въ послѣднемъ своемъ полемическомъ трудѣ (въ „Борьбѣ“) онъ за исключеніемъ послѣдняго отдѣла (о Норманахъ 865 г.) вездѣ выставлялъ свидѣтельства русской лѣтописи на первый планъ. Заранѣе можно уже было предвидѣть, что онъ этимъ путемъ не одолѣетъ своихъ противниковъ. При

настоящемъ положеніи спорнаго вопроса было бы благоразумнѣе Кіевскую лѣтопись совершенно устранить и воспроизвести исторію русскаго государства въ теченіе перваго столѣтія его существованія исключительно на основаніи однихъ иностранныхъ источниковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы дѣйствительно нашли бы не *призваніе* Normановъ, но *завоеваніе* Россіи Норманами (около 860 г.), прекратившими также и древнее господство Хазаръ надъ 4 многочисленными славянскими племенами на юго-востокѣ. Еще въ 867 г. Фотій указывалъ на морской народъ Рôсъ, какъ на завоевателей, а сто лѣтъ спустя Ибрагимъ ибнъ-Якубъ упоминалъ о такомъ же морскомъ народѣ Русовъ. Другой современникъ в. кн. Святослава, императоръ Константинъ, приписывая однимъ Русамъ плаваніе по Черному морю для военной и торговой цѣли, представлялъ себѣ отношеніе данниковъ - Славянъ (οἱ Σκλάβοι οἱ πακτιῶται τῶν Ῥῶς и τὰ ὑπόφορα χωρία χώρας τῆς Ῥωσίας... οἱ Δενζανῖνοι καὶ οἱ λοιποὶ Σκλάβοι) къ династіи изъ рода Русовъ не совсѣмъ правильно (см. Каспій, стр. 673, прим. 7), благодаря отдаленности этихъ Славянъ, но онъ очень хорошо зналъ, что платящіе дань (скотъ, государственную подать) Славяне не лишены личной свободы. Кромѣ того, въ настоящее время мы узнаемъ у одного арабскаго писателя (начала 10 столѣтія) объ отношеніяхъ къ русскому государству тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя не желали ему добровольно подчиниться или уже были покорены Хазарами. Отъ „Начала Руси“, основаннаго на завоеваніи, крайніе норманофобы, конечно, съ усмѣшкой отвернутся, тѣмъ болѣе что совершенное низложеніе ими норманской школы безповоротно констатировано 1 января г. Костомаровымъ въ статьѣ, написанной имъ по поводу разбора книги г. Гедеонова; въ этой статьѣ (стр. 179) даже и панихида отслужена по „во брани убіеннымъ“ норманистамъ.

«Г. Гедеоновъ владѣетъ чрезвычайною эрудиціею и отличается безпристрастною здравою критикою, глубокомысліемъ и проницательностію. Вооружившись всевозможною ученою арматурою, онъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ всю такъ называемую норманскую систему и совершаетъ свой подвигъ съ изумительнымъ искусствомъ. Мы не можемъ полнѣе охарактеризовать его успѣхъ, какъ сказавши, что если бы главнѣйшіе

наши норманисты Байеръ, Шлецеръ, Кругъ, Погодинъ[1]) могли возстать изъ гробовъ и ополчиться противъ новаго врага своихъ теорій, если бы къ нимъ пристали и другіе до сихъ поръ здравствующіе норманисты, то, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли бы они уже водвять изъ развалинъ разрушеннаго г. Гедеоновымъ зданія норманской системы. Она окончательно разбита, разсѣяна, уничтожена и притомъ не на основаніи предположеній и соображеній, а при помощи историческихъ фактовъ и логическихъ умозаключеній, какіе только возможны подъ перомъ человѣка, обладающаго громаднѣйшею ученостью и начитанностью... Собственно что касается до пораженія норманизма, г. Гедеоновъ — неотразимъ. Но достопочтенный авторъ, уничтожившп систему происхожденія Варяговъ отъ Норманновъ, всетаки вѣритъ въ дѣйствительность призванія князей Варяговъ, какъ въ несомнѣнный историческій фактъ...».

И такъ, судьба норманской школы рѣшена безвозвратно и навѣки! Давно ужь эта школа была „разрушена" и неоднократно оповѣщали ученому міру о томъ, что побѣжденные послѣдователи ея раз-

---

[1]) Почему же двумъ такимъ свѣтиламъ на славянскомъ небѣ, какъ Карамзину и Шафарику, нѣтъ мѣста въ этомъ почетномъ ряду? Развѣ они не такъ же, какъ Погодинъ, умѣли сочетать горячую любовь къ славянству съ непритворнымъ признаніемъ норманства? Или не считаетъ ли уже ихъ нашъ судья неумолимый жалкими, лишенными всякой самостоятельности компиляторами, повторявшими лишь чужія мнѣнія не взвѣшивая всѣхъ данныхъ pro и contra?

Въ этомъ ряду обвиненныхъ принадлежитъ, конечно, одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ канцлеру Румянцову, замѣчательнѣйшему покровителю наукъ, котораго когда-либо имѣла Россія. Хотя покойный канцлеръ и ничего не печаталъ по варяжскому вопросу, тѣмъ не менѣе онъ былъ съ нимъ ближе знакомъ, чѣмъ многіе современные ему знатоки русской исторіи. Не только радовался онъ изъ чистой любви къ исторической истинѣ каждому новому свидѣтельству въ пользу норманства Варяго-Русовъ, но и былъ едва ли не первымъ предугадавшимъ въ Погодинѣ призваніе къ критико-историческимъ трудамъ. Какъ въ 1820 году сумѣлъ онъ оцѣнить значеніе статьи Востокова, такъ и погодинскія первыя журнальныя статьи историческаго содержанія (см. Вѣстникъ Европы за 1824 г.) обратили на себя тотчасъ же особенное его вниманіе. Послѣ появленія магистерской диссертаціи Погодина, Румянцевъ даже высказывалъ намѣреніе отправить молодаго ученаго на свой счетъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, но смерть канцлера помѣшала осуществленію этого намѣренія, а братъ канцлера, гр. С. П. Румянцовъ, не постыдился нарушить торжественно имъ данное канцлеру при смертномъ одрѣ его обѣщаніе, ежегодно жертвовать 100000 руб. ассигн. въ пользу Румянцовскаго Музея и продолженія ученыхъ предпріятій, начатыхъ покойнымъ меценатомъ.

брелись розно; но одинъ изъ критиковъ, г. Гедеоновъ, понимающій лучше крайнихъ антинесторовцевъ всѣ сильныя и слабыя стороны ея, призналъ за ней, хотя и условно „право диспута". Верховный же грозный судья даже и этой милости ей не оказываетъ, а прямо объявляетъ въ своемъ приговорѣ отъ 1 января: „Она разбита въ пухъ и прахъ" и уже не можетъ, horribile dictu, подняться изъ своихъ развалинъ! Развѣ это языкъ простаго смертнаго? Нѣтъ, такъ говорить можетъ только свыше вдохновенный Pio nono l'infallibile. Нашъ варяжскій папа Николай достигъ своего могущества, конечно, тоже не даромъ, но лишь послѣ тяжкихъ душевныхъ испытаній въ своей научной дѣятельности. Онъ вначалѣ возвѣстилъ міру „безпорочность" объясненія варажства призваніемъ Литовцевъ, ближайшихъ братьевъ Славянъ, и когда увидѣлъ, какъ не трудно убѣдить въ чемъ угодно легковѣрныхъ читателей [1]), то по примѣру Pio nono, творца пресловутаго „силлабуса", шагнулъ далѣе. Папа римскій строжайшимъ образомъ ограничилъ свободу изслѣдованія состряпанною разъ навсегда іезуитами энциклопедіей наукъ, такъ же и г. Костомаровъ — всю русскую исторію до Владиміра рѣшилъ признать баснословною, представляющею только нѣсколько голыхъ именъ атамановъ разбойниковъ [2]) безъ мяса и крови. Покойный Погодинъ видѣлъ въ этомъ пріемѣ совершенно недозволительный съ точки зрѣнія строгой науки произволъ, и, донельзя возмущаясь, требовалъ отъ смѣлаго анатома безусловнаго сознанія въ своей винѣ, не предусматривая, что послѣдній сочтетъ для себя болѣе удобнымъ на подобное требованіе отвѣчать простымъ „non possumus", чѣмъ анализомъ русской лѣтописи, основаннымъ на томительномъ трудѣ тонкаго изученія ея подробностей. Затѣмъ все, что произошло далѣе, было не болѣе, какъ логическимъ послѣдствіемъ предъидущаго: нашъ историкъ-анатомъ занялъ мѣсто верховнаго судьи, и въ качествѣ судьи непогрѣшимаго казнилъ 1 января заблудшуюся норманскую школу. Здѣсь варяжскій папа слѣдовалъ только примѣру римскаго тёзки своего Николая I († 867), который считалъ лишнимъ

---

[1]) Срав. «Борьбу» Погодина, стр. 013.
[2]) См. «Борьбу», стр. 07, 181, 234.

утверждать свою непогрѣшимость подобно Pio nono соборомъ полученыхъ прелатовъ и узаконять ее клочкомъ бумаги, такъ какъ при такомъ энергичномъ папѣ, какимъ былъ Николай I, непогрѣшимость эта явствовала и понималась сама собою, безо всякихъ обрядностей.

Теперь, когда „legum historicarum clarissimus et certissimus vates", оповѣстилъ торжественно съ высоты своего Ватикана „Urbi et orbi", Граду и міру позорную гибель норманской школы, лишена она даже и слабой надежды на какой бы то ни было успѣхъ своей аппеляціи. Всякая мысль о равносильномъ возраженіи подвергла бы только экснорманистовъ въ извѣстныхъ кружкахъ, благодаря многочисленности читателей произведеній г. Костомарова, еще большему глумленію, чѣмъ то, которое было вызвано манифестомъ 1-го января. Многіе охотно признали бы донынѣ здравствующихъ представителей норманской школы людьми, иллюзіи которыхъ неизлѣчимы. Дѣйствительно, съ какими сладкими грезами пришлось бы разставаться экснорманистамъ! Припомнимъ хоть одну изъ нихъ. Донынѣ имъ грезилось, что Рюрикъ, — подобно внуку своему Святославу при встрѣчѣ его на Дунаѣ съ византійскимъ царемъ въ 972 г., — въ „бѣлой" военной одеждѣ „гребетъ" на своей лодкѣ вмѣстѣ съ гридью (gridh) своею и войдя въ устье Невы пристаетъ къ чухонскому Лосьему острову (Hirvin sâri); здѣсь, водрузивъ свой флагъ въ болото и припявъ хлѣбъ-соль отъ чухонскихъ рыбаковъ отдыхаетъ онъ на старой тонѣ отъ долгой поѣздки и затѣмъ подкрѣпивъ силы лосьимъ ребромъ, прожареннымъ на кострѣ (kaster, см. Каспій, стр. 416), продолжаетъ путь вверхъ по Невѣ. И вотъ, по волѣ судьбы, какъ разъ съ этого острова, вблизи отъ тони непогрѣшимый папа такъ немилосердо превращаетъ эту идилію въ ничто! Чтожъ остается бѣднымъ экснорманистамъ, какъ не покориться въ полномъ отчаяніи неизбѣжному року и не сознаться, что трудъ ихъ не имѣлъ ни малѣйшаго притязанія на науку и былъ совершенно безполезенъ, даже хуже, послужилъ соблазномъ для болѣе чѣмъ пяти поколѣній! Время исполнилось и близокъ часъ, о которомъ сказано, что окончательно побѣжденная школа должна торжественно и всенародно принести покаяніе, какъ прилично упорствующимъ и слѣпотствующимъ еретикамъ. Само собою разу-

мѣется, что покаяніе, такъ какъ дѣло идетъ о научномъ заблужденіи, должно быть въ связи съ предметомъ спора между двумя школами. Но здѣсь экснорманистамъ предстоитъ новая и еще горшая бѣда, — является вопросъ: какъ имъ выразить свое раскаяніе цѣлесообразнѣе? Со стороны папы варяжскаго нѣтъ на то никакихъ указаній, такъ какъ всѣ его думы въ послѣдніе годы поглощены были исключительно опроверженіемъ лжеученія и уничтоженіемъ еретиковъ, послѣ того какъ онъ и самъ отрекся отъ собственныхъ лжеученій[1]). Въ своемъ манифестѣ молчитъ онъ упорно, какъ древній сфинксъ, и насчетъ указанія осужденнымъ путей истины ни гу-гу! Быть можетъ, у него на то и не хватаетъ ни духу, ни силъ, такъ какъ антинорманисты, за исключеніемъ норманофобіи, въ главныхъ пунктахъ ученія о Варяго-Русахъ сами другъ съ другомъ не сходятся ни въ чемъ, такъ что само существованіе антинорманской школы злые люди могутъ, пожалуй, назвать „миѳомъ". Такимъ образомъ, обездоленнымъ экснорманистамъ остается только одно средство: порѣшить самимъ какъ о формѣ покаянія, такъ и о новомъ символѣ вѣры, которымъ отнынѣ должны они будутъ руководствоваться въ своей научной дѣятельности.

Естественнѣе всего было бы заставить норманскихъ грѣшниковъ исповѣдоваться въ русскомъ Іерусалимѣ, названномъ однимъ „миѳическимъ" героемъ „матерью городовъ русскихъ", въ томъ городѣ, гдѣ жилъ и писалъ нѣкогда тотъ „миѳическій" лѣтописецъ, котораго мы привыкли называть Несторомъ, и гдѣ теперь лежатъ его бренные останки. Предъ ракой Преподобнаго должны они молить, чтобъ онъ отпустилъ имъ, что они по невѣдѣнію сдѣлали его главою еретической школы. Само собою также разумѣется, что путешествіе должно быть ими совершено не по желѣзной дорогѣ и не въ (мнимо норманскихъ) однодеревкахъ (μονόξυλα, дубасы), но по образу пѣшаго хожденія древнихъ паломниковъ. Тогда имъ достаточно будетъ времени приготовиться къ исповѣди. Но хватитъ ли духу у нихъ спу-

---

[1]) Русская старина 1877 г. Т. I, стр. 536: «Такіе примѣры, какъ Н. И. Костомаровъ, благородно отказавшійся отъ Литовской теоріи, рѣдки». И по этимъ словамъ также видно, что система, въ пользу которой Н. И. Костомаровъ отказался, еще не изобрѣтена.

ститься въ Кіевскія пещеры? Пожалуй, многочисленныя обвиненія, взводившіяся норманофобами на преподобнаго Нестора, вызовутъ въ нихъ раздумье о томъ, правильный ли путь выбрали они къ покаянію. Не надо забывать, что Несторъ самъ большинствомъ норманофобовъ считается однимъ изъ виновниковъ, а нѣкоторыми даже и главнымъ виновникомъ того, что споръ о Варяго-Русахъ продолжался такъ долго, ибо, самъ Несторъ изъ стремленія ли къ системѣ, или изъ другаго какого тайнаго побужденія, намѣренно Русовъ сдѣлалъ Варягами, и подъ послѣдними кромѣ рюриковскихъ Русовъ разумѣлъ еще Шведовъ, Готландцевъ, Норвежцевъ, а никакъ не Славянъ, Литовцевъ и Финновъ. Но каково то будетъ несторовцамъ, когда имъ придется спускаться въ пещеры, и тутъ вдругъ вспомнится, что противники Преподобнаго считали вѣдь его сознательнымъ фальсификаторомъ? А что, какъ онъ фальсификаторомъ то не думалъ быть? пожалуй, тѣнь его, грозно явясь передъ паломниками, задастъ, чего добраго, имъ нагоняя за то, что вы молъ, не умѣли защитить ни меня самого, ни мое ученіе „отъ навѣта скептиковъ"? Вѣдь такой казусъ былъ бы для несторовцевъ тяжелѣе и позорнѣе того пораженія, которое понесли они отъ норманофобовъ. Между тѣмъ говоря серьезно, имъ въ будущей исторіи варягоборства не избѣжать подобнаго упрека, если Несторъ, дѣйствительно, былъ болѣе свѣдущимъ и добросовѣстнымъ бытописателемъ, чѣмъ говорятъ про него его толкователи и обвинители. Извѣстно, что капитанъ Маржере (Margeret) еще въ 1607 г. протрубилъ на весь свѣтъ, что по русскимъ лѣтописямъ Рюрикъ и его братья были Датчане[1]). Еще съ бóльшимъ уваженіемъ къ Несторовой повѣсти относились новгородскіе чернецы, несмотря даже и на то, что уже прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ въ домѣ великихъ князей московскихъ завелась родословная таблица, въ которой Рюрикъ являлся потомкомъ Пруса, брата кесаря Августа. Подъ конецъ Смутнаго времени въ Новгородѣ снова ожило воспоминаніе о прошлой его славѣ и политической самостоятельности. У Новгород-

---

[1]) Не вывели ли это изъ того, что Несторъ при перечисленіи различныхъ видовъ варяжскихъ племенъ о Датчанахъ не упоминаетъ?

цевъ явилась мысль, что слѣдуетъ призвать шведскаго принца Густава Адольфа или брата его Филиппа для того, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, причемъ, съ цѣлью побудить Шведовъ согласиться на предложеніе, ссылаясь въ 1611 и 1613 гг. совсѣмъ не шуточно на лѣтописи, по которымъ будто бы Рюрикъ, при потомкахъ котораго процвѣталъ Новгородъ до самаго ига московскаго, былъ когда-то тоже призванъ изъ Швеціи. Это сѣмячко упало не на безплодный камень и Шведамъ, воспользовавшимся намекомъ Новгородцевъ, принадлежитъ честь заложенія первыхъ камней въ зданіи норманистики. Первая, хотя и слабая попытка труда съ подобнымъ направленіемъ была напечатана въ 1615 г. Въ теченіе того же XVII ст. убѣжденіе въ призваніи первыхъ русскихъ князей утвердилось въ Швеціи, причемъ Шведы обратили вниманіе на Væring-j-ar Исландцевъ и на собирательное Rôtsi Финновъ; шведскіе плѣнные оцѣнили даже значеніе несторовой лѣтописи по отношенію къ варяжскому вопросу прежде, чѣмъ Байеръ по переводу фрагментовъ привелъ ее въ связь съ иностранными извѣстіями. И такъ тѣ норманофобы, которые говорятъ только о „*сто*лѣтнемъ софизмѣ“, жестоко ошибаются; впрочемъ обстоятельство, что норманисты впродолженіи стольких поколѣній не смогли еще сдѣлать ученіе Нестора неуязвимымъ, не служитъ къ чести ихъ. Какъ могли бы они приблизиться къ останкамъ Преподобнаго безъ страха и трепета, когда на совѣсти ихъ лежитъ тяжелое сознаніе, что они даже отъ легкой кавалеріи норманофобовъ не отстояли историческаго существованія родоначальника кіевской династіи—Рюрика! Не удивительно, если оробѣвшіе несторовцы объявятъ: *въ Кіевъ идти мы не смѣемъ.*

Въ самомъ Кіевѣ Несторъ до сихъ поръ еще не нашелъ себѣ ни авторитетнаго защитника, ни истолкователя. Въ годину великаго избіенія норманистовъ были въ Кіевѣ вновь перепечатаны сочиненія одного норманофоба стараго закала[1]). Покойный профессоръ Макси-

[1]) М. А. Максимовичъ, Откуда идетъ русская земля, по сказанію Несторовой повѣсти и по другимъ стариннымъ писаніямъ русскимъ (1837). О происхожденіи Варяго-Русовъ. Письмо М. П. Погодину (1841). См. Собраніе его сочиненій Томъ I. Кіевъ 1876, стр. 1—92 и стр. 92—104.

мовичъ († 10 ноября 1873), имя котораго тѣсно связано съ первой эпохой исторіи университета св. Владиміра, старался вывести Варяговъ и Русовъ съ острова Рюгена, хотя какъ объ исторіи балтійскихъ Славянъ, такъ и о ихъ военномъ устройствѣ онъ имѣлъ весьма смутныя понятія. Судя по всему, взглядъ этотъ еще держится въ Кіевѣ. Въ силу того, что мнѣніе это сложилось въ Кіевѣ, не посовѣтовать ли уже норманистамъ направить стопы свои къ южнымъ берегамъ Балтійскаго поморья и здѣсь въ священной Арконѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ исполинскій истуканъ страшнаго Свантевита, принесть покаяніе свое? Само собой разумѣется, Рюрикъ не пустился въ дальнее и опасное плаваніе къ Ладогѣ безъ прощальнаго посѣщенія священнаго болвана. Экснорманистамъ тѣмъ удобнѣе было бы попытаться облегчить грѣхи свои на Рюгенѣ, что тамъ и норманскіе разбойники, къ которымъ присоединялись иногда и балтійскіе Славяне, заручались при помощи приносимыхъ ими даровъ благоволеніемъ пользовавшагося общимъ уваженіемъ Свантевита. Было, конечно, между разбойниками много и такихъ „esprits forts“, которые вѣрили только въ силу своего топора или меча; были и такіе, которые обращались къ христіанскому Богу или же къ божествамъ другихъ языческихъ народовъ, смотря по расчету. Но и надежда экснорманистовъ на святаго Вита, въ котораго окрестили изворотливые нѣмецкіе попы Свантевита, оказывается тщетною, послѣ того какъ варяжскій папа въ манифестѣ своемъ торжественно объявилъ, что Варяго-Русь на славянскомъ берегу Балтійскаго поморья никогда не обитала. Въ подлинности же этой буллы нашего папы Николая не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ самъ статсъ-секретарь его Димитрій Ивановичъ поспѣшилъ вслѣдъ за обнародованіемъ скрѣпить ее золотою печатью (Русск. Старина 1877 г. Мартъ мѣс.). Ктожь послѣ этого упрекнетъ экснорманистовъ, если они откажутся отъ путешествія на южный берегъ Балтики, извиняясь тѣмъ, что, молъ, *въ Аркону намъ идти строжайше запрещено?*

Ужъ не отправиться ли обездоленнымъ, безсовѣтнымъ экснорманистамъ къ устью Нѣмана? Было время, когда сильно тянуло сюда варяжскаго папу, тянуло, точно къ милой на свиданіе, и онъ выска-

зывалъ вздохи свои даже въ стихахъ[1]. Погодинъ, чтобъ столковаться сколько-нибудь со своимъ противникомъ, поднесъ ему въ 1874 г. „къ свѣтлому празднику въ гостинецъ красное яичко" въ видѣ слѣдующаго рода тезиса: „я думаю только, что норманскую Варяго-Русь вѣроятнѣе искать въ устьяхъ и низовьяхъ Нѣмана, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго поморья"; однако виновникъ жмудской теоріи давно рѣшилъ, а нынѣ его статсъ-секретарь подтверждаетъ снова, что дружины литовскихъ Варяго-Русовъ получили чистую отставку (Борьба, стр. 390). Опоздалымъ помощникамъ его, еще въ 1876 г. вѣрившимъ въ „литовско-русскій элементъ" и въ „элементъ прусско-русскій", теперь ничего не подѣлать противъ непогрѣшимаго рѣшенія варяжскаго папы; а экснорманистамъ остается только воскликнуть: *Нѣтъ! Отправляясь на Нѣманъ, мы еще, чего добраго, и вовсе навлечемъ на себя анаѳему.*

Нѣманъ обращали и въ нѣмецкую и въ готскую рѣку, не приводя въ пользу этого проблематическаго положенія ни строгихъ лингвистическихъ доказательствъ, ни историческихъ свидѣтельствъ (См. выше стр. 020). Гораздо больше правъ, по мнѣнію антинорманистовъ, имѣетъ Волга въ своемъ нижнемъ теченіи на названіе русской рѣки. Такъ, дѣйствительно, она называется у нѣкоторыхъ Арабовъ и, что всего удивительнѣе, называется Rôs у одного греческаго географа временъ римской имперіи, причемъ это слово Ῥῶς пишется у него совершенно такъ, какъ пишется названіе Русовъ у патріарха Фотія. Это было извѣстно уже Байеру. Но Байеръ былъ такой сухой педантъ, что на мнѣніе о связи между старымъ названіемъ матушки Волги и названіемъ Руси смотрѣлъ какъ на непростительный ученый промахъ. Нынѣ еще здравствующіе экснорманисты со своей стороны тоже объясняли существованіе у Арабовъ „рѣки Русовъ" тѣмъ, что *послѣ* Рюрика Варяго-Русы часто появлялись на ней въ качествѣ купцовъ проѣздомъ въ Каспійское море. Казалось бы, чего еще проще

---

[1]) О Русь, село (Rusnês kêmelij): тамъ растетъ цвѣточекъ, туда мое сердце стремится! Эпиграфъ къ разсужденію 1860 г. (Переводъ Литовской народной пѣсни).

и естественнѣе? Однако это объясненіе не помогло: и со времени Эверса Ῥῶς, т. е. Волга-Рôсъ снова вошла въ моду, а когда въ 1859 году разразилась новая гроза надъ норманствомъ, то въ пользу до-рюриковскаго существованія славянскихъ Русовъ на Востокѣ привели и съ тѣхъ поръ приводили уже постоянно это Ῥῶς, какъ неопровержимый поводъ. Что могло бы быть приличнѣе, какъ обмыть экснорманистамъ свое невѣріе въ руслѣ Волги-Рôсъ, тѣмъ болѣе, что, по ихъ же мнѣнію, бóльшая часть древнихъ рѣчныхъ названій ускользаютъ отъ всякаго лингвистическаго толкованія и въ особенности односложныя имена лицъ, рѣкъ и городовъ чаще всего оказываются сокращенными изъ древнѣйшихъ болѣе полныхъ и нынѣ уже неизвѣстныхъ многосложныхъ формъ? На этотъ разъ экснорманисты избѣгаютъ опасности потонуть въ волнахъ Волги; не по собственной ловкости, а благодаря иранистамъ, которые древнія названія Волги, Râ и Rôs (Ῥᾶ Ῥῶς), объявили прямо достояніемъ иранскаго языка. Лингвисты, считающіе не только форму „Волги“ (въ памятникахъ еще 16-го ст. **Волгада**), но и формы Рâ и Рôсъ чудскими, такъ какъ Волга и до сихъ поръ зовется у Мордвиновъ Рау или Рава, могутъ раздѣлываться съ иранистами, какъ знаютъ. Ник. Петр. Ламбину удалось единственно при помощи одной только мордовской формы [1]) открыть въ Ῥῶς Агаѳимера (Ἀγαθήμερος) правильно сокращенную изъ Рау-с, Ῥαου-ς форму, причемъ онъ даже и не подозрѣвалъ, что во многихъ иранскихъ формахъ названія ревеннаго корня найдется ему надежная поддержка. Изъ исторіи понтійской торговли мы знаемъ, что уже Греки и Римляне знали *ревень*, (Rha ponticum, R. barbarum, τὸ ῥᾶ, τὸ ῥῆον, виз. ῥαβάν, перс. равендъ изъ др.-иранскаго причастія **равантъ**, ново-гр. τὸ ῥαβέντιον, la rhubarbe, der Rhabarber etc.), который доставлялся съ нижней Волги, весьма имъ дорожили и считали его вкуснымъ. Весьма статься можетъ, тотъ или другой лингвистическій натуралистъ обрадуется, что наконецъ найдена коренная форма, отъ которой произошли слова „Русь“

---

[1]) Рау по Шлецеру, Рава по г. Иловайскому (Ист. Рязанскаго княжества. 1858, стр. 4). Какую изъ этихъ двухъ формъ должно считать болѣе вѣрною?

и „Ῥῶς“, и придетъ къ убѣжденію, что драгоцѣнное словечко „ревень“ отнюдь не чужеземное въ славянскомъ языкѣ, но что скорѣе вышеупомянутыя формы Русь, Ῥῶς произошли вслѣдствіе извращенія и развитія формы „ревень“! Еще въ наше время встрѣчается одинъ видъ ревеня на лѣвомъ берегу нижней Волги. Но экснорманисты уже столько горя натерпѣлись въ поискахъ за мѣстностью, приличною для ихъ покаянія, что, навѣрно, обвинители ихъ не поставятъ имъ въ упрекъ, если они, боясь нагоняя отъ иранистовъ скажутъ: *въ Приволжье, гдѣ ревень растетъ, намъ идти вовсе не по вкусу*.

Норманофобы относятся особенно недружелюбно къ норманистамъ за то также, что послѣдніе не соглашаются признать существованія на Черномъ морѣ русскихъ пиратовъ *до* Рюрика и Аскольда. Это игнорированіе тѣмъ непростительнѣе, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ противниковъ норманства, названіе „Русь“ *могло* скрываться въ названіяхъ „Роксоланы, Аорсы“, и въ другихъ подобныхъ уродливыхъ формахъ, такъ что азовскіе морскіе разбойники, которыхъ Арабы называютъ *послѣ* 900 г. „Рус-ами“, *могли* быть очень древними жителями Азовскаго и Черноморскаго поморья! Отсюда можно бы, казалось, вывести, что норманистамъ слѣдуетъ каяться на берегахъ киммерійскаго Босфора. Дѣйствительно, на этотъ разъ имъ никакъ не увернуться бы отъ руки карающаго правосудія, если бы не помогъ имъ недавно счастливый случай. Въ 1876 г. какъ разъ въ самый разгаръ бури, поднятой противъ занятыхъ прежде норманистами на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ позицій, совершенно неожиданно появились новыя свѣдѣнія о киммерійскихъ Русахъ-разбойникахъ. До 1876 г. знали только отъ Арабовъ, что эти пираты „Русъ“ еще въ первой половинѣ 10 стол. прославились своими разбоями, что они хлѣба не сѣяли, коней и вообще стадъ не имѣли, а имѣли только корабли, благодаря которымъ могли поддерживать свое существованіе разбоями. Считали даже весьма вѣроятнымъ, что Черное море получило названіе Русскаго именно благодаря этой киммерійской шайкѣ морскихъ разбойниковъ. Но не знали, когда и какъ они тамъ поселились, такъ какъ до 10 стол. о нихъ нигдѣ не упоминалось. Въ настоящее время мы узнаемъ отъ одного Перса, что эти разбой-

ники просили хазарскаго хагана объ уступкѣ имъ клочка земли и что онъ имъ подарилъ (или, быть можетъ, утвердилъ ихъ во владѣніи) нѣкоторые острова (полуострова). Отъ другаго Перса узнаемъ мы, что они приняли христіанство, — тексты даютъ то 333, то 303, то 300 г. геджры = 944, 917, 913 г., — но вскорѣ оставили его и, затѣмъ, еще въ 10 стол. приняли исламъ, для чего обращались къ хвалисскому (хварисскому) султану, приславшему къ нимъ шерифа. Къ сожалѣнію, эти морскіе баши-бузуки, напоминающіе современныхъ имъ Іомсвикинговъ на устьяхъ Одера, имѣли слишкомъ не древнее происхожденіе и слишкомъ недолго хозяйничали на киммерійскомъ Босфорѣ, такъ что норманофобамъ приходится выбрать другую какую-нибудь мѣстность для покаяннаго странствованія экснорманистовъ. За выборомъ, впрочемъ у нихъ дѣло не станетъ, такъ какъ тутъ-же недалеко Судакъ (Сурожъ) на юго-восточномъ и Корсунь на западномъ берегу Крыма, мѣстности, сдѣлавшіяся въ послѣднее время главными предметами спора относительно *перваго* появленія русскихъ пиратовъ на Понтѣ. Но послѣ всѣхъ этихъ тщетныхъ попытокъ отыскать мѣсто для своего покаянія, не придется ли экснорманистамъ, отнестись съ недовѣріемъ къ своимъ жестокосерднымъ побѣдителямъ, и даже поднять мятежъ противъ нихъ?

Есть два историческихъ свидѣтельства, одно въ житіи св. Стефана-сурожскаго, другое въ житіи св. Кирилла; — они у норманофобовъ считаются неотразимыми перунами, при помощи которыхъ, по мнѣнію однихъ, защитники лжеученія сражены окончательно, а по мнѣнію другихъ, должны быть сражены въ близкомъ будущемъ. Конечно, примѣта не хороша, что даже по отношенію къ этимъ двумъ главнымъ свидѣтельствамъ о происхожденіи Русовъ, жившихъ до Рюрика въ Крыму, норманофобы не согласны между собою. — Но дѣло не въ томъ! Перенесемся же на юго-западный берегъ Севастопольской бухты, въ древній Херсонисъ или Корсунь. Мѣстность эта освящена пребываніемъ обоихъ славянскихъ апостоловъ во время путешествія ихъ около 860 г. съ миссіей къ Хазарамъ. Въ Корсуни же, по преданію, 130 лѣтъ спустя Владиміръ „отрясе прахъ невѣрьствія“ и обратился къ „правовѣрію“. Достовѣрно из-

вѣстно, что онъ осаждалъ этотъ богатый, торговый городъ и разграбилъ его. По житію св. Стефана сурожскаго, еще раньше, т. е. по мнѣнію норманофобовъ приблизительно около 800 г., какой-то „бранливый“ русскій князь, пришлый изъ Кіева ли, или изъ Новгорода, разграбилъ Корсунь, Керчь и Сурожъ и въ Сурожѣ принялъ христіанство. Нѣкоторые норманофобы, торжествуя, кричатъ: Это свидѣтельство „никоимъ образомъ“ не можетъ уже относиться къ Варягамъ, такъ какъ норманскіе пираты, по собственному признанію норманистовъ, проникли къ сѣверо-восточному Понту только послѣ половины 9-го столѣтія. Оставимъ здѣсь хронологическую сторону вопроса совсѣмъ въ сторонѣ, — и заявимъ прямо варяжскому папѣ, что мы, экснорманисты, не въ состояніи, подобно современнымъ намъ римскимъ епископамъ, приносить въ жертву здравый человѣческій смыслъ; а съ этимъ смысломъ вполнѣ несогласно, чтобы въ то время, къ которому относятъ Житіе, народъ, жившій *выше* днѣпровскихъ пороговъ, могъ превратиться въ мореплавателей, если онъ предварительно на другомъ какомъ-нибудь морѣ не имѣлъ возможности долгою практикою развить въ себѣ способности къ разбойническимъ предпріятіямъ въ большихъ размѣрахъ; — подобное внезапное превращеніе въ народномъ быту такъ же невозможно, какъ невозможно неумѣющему плавать переплыть Днѣпръ подъ Кіевомъ. Если норманофобы и не согласны съ тѣмъ, что ихъ хронологическое опредѣленіе морскаго похода „бранливаго князя“ опирается на весьма шаткія основанія, то все же они должны доказать на основаніи примѣровъ изъ исторіи мореплаванія въ древнія и среднія вѣка, что народъ, живущій вдали отъ моря, можетъ внезапно дѣлаться и первокласнымъ мореплавателемъ, и внушающимъ ужасъ пиратомъ. Только въ томъ случаѣ, если бы имъ удалось доказать послѣднее, прѣсноводные моряки наши могли бы спорить о томъ, былъ ли походъ бранливаго князя совершенъ около 800 года, или же во времена Аскольда, или при Владимірѣ. Одна редакція сказаній объ этомъ походѣ относитъ его къ 852 г., напоминающему намъ Нестора, который къ тому же году относитъ начало царствованія Михаила III, причемъ упоминаетъ и о нападеніи Руси на Византію (865 г.).

Такимъ образомъ мы вышли на ту дорогу, гдѣ воззрѣнія многихъ норманофобовъ и норманистовъ на значеніе историческихъ источниковъ, гдѣ вообще все міровоззрѣніе тѣхъ и другихъ вполнѣ расходятся другъ съ другомъ. Если мы, униженные и оскорбленные, пожелаемъ идти своей дорогою, то прежде намъ слѣдуетъ развязаться и раздѣлаться съ варяжскимъ папой, такъ какъ его авторитетъ считается въ глазахъ профановъ непогрѣшимымъ. Буллой своею отъ 1-го января 1877 г. онъ торжественно похоронилъ норманскую школу и отслужилъ даже по умирающихъ несторовцахъ „заупокойную". Дѣйствительно, смѣлый подвигъ! подвигъ болѣе отчаянный, чѣмъ нападеніе Русовъ на Византію, или донскихъ Козаковъ на Азовъ, болѣе отважный, чѣмъ возстаніе Хмѣльницкаго противъ могущественной еще въ то время Польши, чѣмъ замыселъ Ермака покорить Сибирь. Обыкновенные смертные, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ принадлежатъ норманисты, такой геройской рѣшимости иначе объяснить не могутъ, какъ сверхъестественнымъ вдохновеніемъ. Должно замѣтить, однако, что варяжскій папа при немилосердой экскоммуникаціи и безъ того уже умирающихъ норманистовъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно, и очень хорошо предвидѣлъ то вліяніе, которое должна произвести его „заупокойная" на тысячи его смѣющихся читателей.

Мы, норманисты, моглибы спокойно предоставить манифестъ отъ 1 янв. его собственной вполнѣ заслуженной имъ участи, даже если бы наше молчаніе было сочтено за безсиліе и послужило поводомъ къ новымъ насмѣшкамъ. Не страсть къ полемикѣ и нынѣ побуждаетъ *меня* на споръ съ варяжскимъ папой; въ 1860 году, не смотря на приглашенія я воздержался ото всякихъ преній, да и послѣ не принималъ въ нихъ никакого участія. Только послѣ появленія статьи „Преданія первоначальной русской лѣтописи"[1]) возникла во мнѣ твердая рѣшимость возражать автору ея, о чемъ я ему тогда же и высказалъ, шутя, въ частной бесѣдѣ. Манифестъ былъ для меня новымъ предлогомъ осуществить мое намѣреніе. Послѣ этихъ статей мы, несторовцы, собственно говоря, состояли въ долгу даже и *передъ наукой*, еслибы

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1873 г. Т. I, стр. 1—34, 570—624 и Т. II, 7—60.

не протестовали противъ образа дѣйствій варяжскаго папы. Наше отношеніе къ спорному вопросу совершенно иное, чѣмъ отношеніе нашихъ противниковъ. Антинорманской школы никакой нѣтъ, а есть только антинорманисты, т. е. извѣстное число лицъ, рѣшившихся всѣ филологическія и историческія свидѣтельства, на которыхъ мы основываемъ наши доводы, во что бы то ни стало подрывать или по крайней мѣрѣ на сколько силъ хватитъ, оспаривать, причемъ сами эти лица оказываются на столько не твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ, что не въ состояніи согласиться между собою даже относительно тѣхъ главныхъ положеній, которыми имъ пришлось бы замѣнить отвергаемыя ими положенія. Норманисты, напротивъ, образуютъ старую школу, возникшую въ 17 столѣтіи. Вслѣдствіе вовсе не быстраго движенія проявившагося среди историковъ прошедшаго времени, школа эта довольно медленно развивала и укрѣпляла свою систему, но можетъ смѣло похвалиться, что впродолженіе послѣднихъ 50 лѣтъ ея положенія подтвердились цѣлымъ рядомъ дотолѣ неизвѣстныхъ еще свидѣтельствъ. Было бы несправедливо возлагать на здравствующихъ нынѣ, — или, по манифесту 1-го января вымирающихъ, — представителей норманской школы отвѣтственность за всѣ промахи, ошибки и вздорныя сужденія ихъ предшественниковъ, хотя современные норманисты и остаются солидарно-отвѣтственными за своихъ предшественниковъ относительно прежде-добытыхъ главныхъ научныхъ результатовъ и потому тѣмъ менѣе имѣютъ право молчать, что у крайнихъ норманофобовъ отрицаніе норманства идетъ рука объ руку съ совершенно произвольнымъ отрицаніемъ историческаго значенія первоначальной русской лѣтописи.

Послѣ того какъ г. Костомаровъ такъ полновластно осудилъ всѣ научныя услуги прежнихъ норманистовъ и такъ безцеремонно заживо похоронилъ нынѣ здравствующихъ, мы можемъ обратиться къ нему съ вопросомъ: По какому праву могъ онъ взять на себя произнесеніе подобнаго приговора? Доказалъ ли онъ когда-нибудь на дѣлѣ, что для обсужденія такого сложнаго и отчасти столь труднаго вопроса онъ былъ достаточно подготовленъ? Онъ позволяетъ себѣ вездѣ тонъ и пріемы непогрѣшимаго папы, а между тѣмъ никакъ не можетъ отстоять

тѣхъ положеній, которыя самъ же предлагалъ взамѣнъ отвергаемыхъ имъ. Что сталось съ провозглашенной имъ, Непогрѣшимымъ, 17 лѣтъ тому назадъ теоріею Литвы? Она уже давно заняла подобающее ей мѣсто въ исторіи ученыхъ заблужденій, и не столько вслѣдствіе чьихъ-нибудь полемическихъ нападокъ, сколько потому что съ самаго начала она была уже мертворожденнымъ существомъ. Какимъ только глумленіямъ не подвергался тогда публичный оппонентъ литовской теоріи? Но онъ былъ удовлетворенъ, тѣмъ, что могъ константировать отказъ отъ этой теоріи собственнаго ея отца (Борьба стр. 389, 390). Непонятно, вслѣдствіе какихъ побужденій такой опытный историкъ, какъ г. Костомаровъ, не довольствуется однимъ блестящимъ фіаско, постигшимъ его литовскую теорію, и напрашивается на новую неудачу, которой ему не избѣжать во всякомъ случаѣ, — даже еслибы норманисты хранили мертвое молчаніе, какъ оно и подобаетъ мертвецамъ. Нашъ верховный судья, самъ того не подозрѣвая, своимъ приговоромъ далъ столь полное удовлетвореніе покойному Погодину, какого послѣдній, нападая на пріемы толкованія историческихъ источниковъ, усвоенные его противникомъ, никогда бы при жизни своей получить не могъ. Только искреннее уваженіе къ дѣйствительнымъ заслугамъ г. Костомарова на другихъ поприщахъ русской исторіи удерживаетъ насъ отъ дальнѣйшей характеристики его приговора.

Заявивъ протестъ противъ непогрѣшимости варяжскаго папы, вернемся-ка лучше къ древнему Корсуню, который намъ подалъ къ этому протесту поводъ и порадуемся, что тамъ придется намъ за одно съ Н. И. отражать натискъ цѣлой дружины интерпретаторовъ, задумавшихъ (съ 1843 года) дать великому славянскому апостолу въ менторы небывалаго профессора изъ рода гипербореевъ.

Норманофобы не только морской походъ языческаго князя, предпринятый имъ изъ Кіева въ Корсунь, отодвигаютъ съ преднамѣренной цѣлью въ до-рюриковское время, — въ которое, замѣтимъ мимоходомъ, въ средней Россіи и моряковъ то еще никакихъ не было, — но еще съ особенной силой напираютъ на одно мѣсто паннонскаго житія св. Кирилла, упоминающее о встрѣчѣ Кирилломъ какого-то Русака съ готовыми евангеліемъ и псалтыремъ на русскомъ языкѣ. Былъ ли

этотъ Русакъ Славяниномъ, или Норманомъ? Допустивъ разъ его историческое существованіе, мы скорѣе должны принять его за Нормана, чѣмъ за Славянина, а также должны допустить, что евангеліе его скорѣе было написано на норманскомъ, чѣмъ на славянскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе что всѣ Русь-христіане до Владиміра,—а слѣдовательно и „князь бранливъ"—какъ въ Россіи, такъ и въ Византіи были исключительно Варяго-Русы, какъ это утверждаютъ и нѣкоторые церковные историки [1]). Впрочемъ, число ученыхъ, видящихъ въ этомъ извѣстіи о Русакѣ позднѣйшую вставку, какихъ много встрѣчается въ Житіи, постепенно увеличивается. Кромѣ словениста Ягича [2]) къ числу ихъ принадлежитъ и нашъ варяжскій папа (Русская Стар. 1877. I, 161). Ужь не начало ли это обращенія къ норманскому правовѣрію? Едва ли. Ученый папа, принимающій на себя тонъ непогрѣшимости, изрекающій анаѳему противъ неимущихъ слѣпой вѣры и извергающій ихъ какъ раскольниковъ изъ лона науки, только укрѣпляетъ схизму и дѣлаетъ ее неизмѣнимѣе, если у него нѣтъ средствъ ни для обращенія еретиковъ къ своей догмѣ, ни для истребленія ихъ. Такой папа можетъ быть, какъ это убѣдительно намъ доказываетъ исторія папства, устраненъ и обезоруженъ только антипапою. Этого умнаго антипапу варяжскимъ старовѣрамъ не надо ни выбирать, ни отыскивать долго. Его имъ даетъ исторія. Онъ былъ тоже норманофобъ, и имѣлъ къ тому лучшія основанія, чѣмъ наши антинесторовцы, такъ какъ разбойники-варяги дѣйствительно заставляли его бояться за свою жизнь, дрожать отъ страха въ своемъ Ватиканѣ, и быть свидѣтелемъ гибели своихъ епископовъ, умиравшихъ вмѣстѣ съ монахами и монахинями въ монастыряхъ, объятыхъ пламенемъ пожаровъ.

---

[1]) См. напр. статью Е. Е. Голубинскаго (Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, Часть 187, отд. II, стр. 134, и 1877, Часть 190, отд. II, стр. 157).

[2]) Archiv für Slawische Philologie I, 143. А. Вороновъ въ статьѣ своей: Главнѣйшіе источники для исторіи св. Кирилла и Меѳодія (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1876. Часть IV) къ сожалѣнію почти вовсе не коснулся вопроса о вставкахъ въ паннонскихъ Житіяхъ. Я же не могу отказаться отъ мысли, что славянскій редакторъ дошедшаго до насъ списка Житій, умышленно выбросилъ находившіяся въ первоначальной ихъ редакціи извѣстія объ отношеніяхъ славянскихъ апостоловъ къ македонскимъ Славянамъ на Брѣгальницѣ и къ болгарскому князю Борису.

Можно смѣло поручиться, что этотъ норманофобъ, жившій когда-то на берегахъ Тибра и для отраженія морскихъ разбойниковъ обновившій даже укрѣпленія Остіи, — гавани Рима, — зналъ Нормановъ гораздо лучше, чѣмъ наши норманофобы, мирно обитающіе на берегахъ Днѣпра, Невы и Москвы-рѣки. Едва ли кто въ правѣ упрекнуть немилосердо очерненныхъ и такъ жестоко разбитыхъ норманистовъ за ихъ аппеляцію отъ варяжскаго папы Николая I (Ивановича) къ тезкѣ его римскому папѣ Николаю I (Θеодоровичу), такъ какъ норманисты въ этомъ случаѣ слѣдуютъ только примѣру славянскихъ апостоловъ, которые вслѣдствіе навѣтовъ фанатическихъ и корыстолюбивыхъ нѣмецкихъ поповъ вызваны были въ 867 г. въ Римъ; — не смотря на то, что Фотій созвалъ уже соборъ въ Византіи для отраженія до тѣхъ поръ не слыханныхъ властолюбивыхъ замысловъ самозваннаго намѣстника того, кто сказалъ: царствіе мое не отъ міра сего, и что трудно было ожидать защиты апостоловъ и ихъ дѣяній отъ папы, который, глубоко проникшись идеею всеміpнаго деспотизма языческаго Рима, въ своемъ отвѣтномъ посланіи къ императору Михаилу отъ сентября 865 г. высказывалъ такое высокое мнѣніе о латинскомъ языкѣ; просвѣтители Славянъ, въ сознаніи своей правоты, повиновались призыву папы и оказались послушнѣе французскихъ епископовъ того времени.

Какъ нѣкогда Кириллъ и Меѳодій, такъ нынѣ и мы, древле-вѣрующіе, направляемъ стопы свои въ градъ св. Петра, приглашая съ собою въ путь варяжскаго папу, и предлагая ему поддерживать у св. престола взведенныя имъ на насъ тяжкія обвиненія. Отъ этого приглашенія ему нельзя отказаться, въ интересахъ его собственной духовной паствы; и если ему не удастся оправдаться здѣсь, какъ оправдались славянскіе апостолы, то опозоренные имъ варяжскіе древлевѣры будутъ имѣть полное право на всѣхъ вообще норманофобовъ наложить соразмѣрную съ ихъ учеными грѣхами эпитимью. Уже въ Венеціи придется варяжскому папѣ выдержать жестокій бой, какъ пришлось нѣкогда и апостоламъ. Послѣдніе побѣдоносно отстояли отъ латинскихъ фанатиковъ право Славянъ на употребленіе въ богослуженіи роднаго языка. Варяжскому же папѣ предстоитъ здѣсь весьма

трудная задача убѣдить венеціанскихъ ученыхъ въ томъ, что ихъ древнѣйшіе лѣтописцы употребляли имя „Normanni" такъ же произвольно, какъ произвольно древнѣйшій русскій лѣтописецъ употреблялъ, по воображенію норманофобовъ — слово „Варяги"; ему придется также доказать, что Итальянцы, равно какъ и другіе западные Европейцы, должны побывать у крайнихъ Норманофобовъ въ школѣ, прежде чѣмъ рѣшить, что̀ понимали Итальянцы 9-го и 10-го столѣтій подъ выраженіемъ „Normanni"? Но достанетъ ли у варяжскаго папы краснорѣчія и учености, чтобы доказать потомкамъ древнихъ предпріимчивыхъ и вездѣсущихъ Венеціанцевъ, что ихъ лѣтописцы были на дѣлѣ такими же ограниченными въ умственномъ отношеніи людьми, какими варягофобы считаютъ кіевопечерскихъ монаховъ? Если же атаманъ антинорманистовъ еще въ Венеціи будетъ признанъ несостоятельнымъ въ норманскихъ дѣлахъ, то само собой разумѣется, его достоинство папы in partibus infidelium едва ли будетъ признано на ученомъ вѣчѣ въ Римѣ, гдѣ память объ авторитетѣ верховнаго судьи, признанномъ даже славянскими апостолами, еще жива и недавно обновилась по случаю открытія фресковъ въ церкви св. Климента, изображающихъ будто бы св. Кирилла и Меѳодія [1]).

Николай I, современникъ Рюрика и Аскольда, былъ далеко незауряднымъ папою; то была личность съ мощнымъ характеромъ, какой едва ли встрѣчался у кого-либо изъ его предшественниковъ или изъ его преемниковъ. Онъ не могъ привести въ исполненіе всѣхъ своихъ громадныхъ предначертаній только потому, что былъ слишкомъ короткое время, — всего 10 лѣтъ, — на престолѣ св. Петра. Тѣмъ не менѣе *папство* началось только со временъ Николая, такъ какъ до него римскіе патріархи не имѣли даже понятія о томъ значеніи, которое присвоилъ папскому достоинству Николай. Этотъ папа былъ не только человѣкомъ изворотливаго ума, но и человѣкомъ съ обширнымъ теологическимъ образованіемъ; — онъ зналъ и людей, и свѣтъ. Что касается до Скандинавіи и Нормановъ, то онъ имѣлъ много случаевъ

---

[1]) Dudik, Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der h. Apostel Cyrill und Method in Rom. Wien 1869 in-4°. — Letter on Rome and the Slavs, by G. Lignana, prof. of comparative philology. Rome 1876.

хорошо съ ними познакомиться (см. ниже стр. 170); о положеніи дѣлъ на христіанскомъ Востокѣ до него доходило множество устныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ (см. стр. 176); также и славянскихъ земель не упускалъ онъ изъ виду, особенно послѣ того какъ славянскіе апостолы начали свою дѣятельность въ Великой Моравіи. Правда, что эта выдающаяся историческая личность не была чужда одной слабости. Для осуществленія созданной имъ высокой идеи о папской власти считалъ онъ позволительнымъ и не противорѣчащимъ своему достоинству намѣстника Христова пользоваться ложными письменными документами, поддѣланными во Франціи и переданными ему въ 863 году. Онъ даже прямо утверждалъ, что эти документы (такъ наз. Псевдо-Исидоровы декреталіи) испоконъ вѣка (какъ документы истинные) хранились въ папскомъ архивѣ. Въ первый разъ воспользовался онъ ими въ 864 г. Въ сентябрскомъ письмѣ 865 г. къ императору Михаилу, гдѣ упоминается о нашествіи Русовъ на Византію, нельзя тоже не замѣтить той тенденціи, которая высказывается въ Псевдо-Исидоровыхъ декреталіяхъ,—тенденціи къ возвышенію папской власти надъ царями и князьями, надъ патріархами и епископами. Къ счастью ли, или къ несчастью варяжскаго папы, то мѣсто письма, въ которомъ говорится о Норманахъ-Русахъ 865 г., отличается столь яснымъ описаніемъ событій, что его не такъ легко заподозрить и отринуть, какъ извѣстіе въ Житіи св. Кирилла о русскомъ профессорѣ, у котораго будто бы знаменитый славянскій апостолъ окончилъ въ Корсуни свой курсъ филологической науки, начатый имъ въ Солуни, Дамаскѣ и Царьградѣ.

Папа Адріанъ, преемникъ Николая, умершаго до прибытія славянскихъ апостоловъ въ Римъ, одобрилъ, — по всей вѣроятности, не безъ расчета, — дѣятельность Кирилла и Меѳодія, и оправдалъ ихъ. Удастся ли такъ же успѣшно атаману норманофобовъ убѣдить римскихъ ученыхъ въ томъ, что онъ, какъ настоящій сухопутный морякъ, лучше своего тёзки знаетъ разныхъ морскихъ разбойниковъ 9-го стол. и что папа Николай-римскій, умѣя различать только національность христіанъ, а не язычниковъ, смѣшалъ въ 865 г. норманскихъ язычниковъ съ язычниками славянскими? Если же и въ

Римѣ, по примѣру Венеціи, гиперборейское толкованіе четырехъ итальянскихъ свидѣтельствъ о Нормано-Русахъ будетъ отринуто, то этимъ приговоромъ будетъ окончательно отмѣненъ смертный приговоръ отъ 1-го янв. надъ несторовцами и первоначальная кіевская лѣтопись, несмотря на нѣкоторыя пятнышки, снова озаритъ, какъ сѣверное сіяніе, своимъ свѣтомъ міръ далеко за предѣлами Россіи.

Кстати было бы здѣсь бросить взглядъ на всѣ тѣ способы, которыми съ 1859 г. неутомимо старались норманофобы очернить стремленія норманистовъ и осмѣять ихъ самихъ. Въ интересахъ мира мы воздерживаемся отъ воспроизведенія полной картины этихъ преслѣдованій, но никто не въ правѣ упрекнуть насъ, если мы въ свою очередь наложимъ на нашихъ самихъ себя побивающихъ противниковъ эпитимью; впрочемъ эпитимья эта должна послужить на пользу наукѣ. Естественнѣе всего было бы дать норманофобамъ искренній совѣтъ обратиться къ практическому способу достичь правильнаго воззрѣнія на тѣ условія, отъ которыхъ тысячу лѣтъ тому назадъ зависѣло въ европейской Россіи появленіе военнаго и торговаго флота. Но здѣсь намъ придется сдѣлать оговорку, тѣмъ болѣе, что несправедливо было бы возлагать на всѣхъ противниковъ норманства одинаковое наказаніе. Съ крайними норманофобами, которые не только призваніе Варяговъ, но и самую личность Рюрика считаютъ за миѳъ, научное соглашеніе едва ли возможно, — возможна только, по выраженію покойнаго Погодина, „борьба не на животъ, а на смерть“. Совсѣмъ иного рода отношенія между норманистами и тѣми ихъ противниками, которые съ ними болѣе или менѣе расходятся лишь въ толкованіи отдѣльныхъ памятниковъ. Здѣсь научное соглашеніе не только мыслимо, но и возможно, такъ какъ споръ идетъ по преимуществу о различномъ толкованіи этнографическихъ терминовъ того или другаго источника. Мы имѣемъ въ виду конечно, такъ называемыхъ полунорманистовъ, къ которымъ примыкаетъ „самый сильный и опасный противникъ“, котораго когда-либо имѣла, по Погодину „норманская система со временъ Эверса“. Г. Гедеоновъ держится непоколебимо преданія о призваніи Рюрика, хотя и объясняетъ его по своему. Какъ человѣкъ, много путешествовавшій и жившій на морскихъ прибрежь-

яхъ различныхъ странъ, онъ, вѣроятно, не станетъ отрицать, что тысячу лѣтъ тому назадъ не одинъ европейскій народъ не могъ быть морскимъ народомъ, если не жилъ вблизи моря. Привлекая къ варяжскому вопросу Славянъ юго-балтійскихъ, г. Гедеоновъ имѣлъ въ виду конечно, только береговыхъ Славянъ, которые, какъ оказывается и изъ его изслѣдованій, предпринимали сообща съ Норманами морскія поѣздки съ военной цѣлью[1]). Если же когда-нибудь норманистами наложена будетъ эпитимья на своихъ противниковъ изъ породы крайнихъ норманофобовъ, то это будетъ сдѣлано съ цѣлью излѣчить ихъ отъ того морскаго недуга, которымъ они такъ сильно страдаютъ.

Но и въ случаѣ полнаго оправданія своего въ Венеціи и Римѣ несторовцы, послѣ столь тяжелыхъ испытаній не должны предаваться безграничному самодовольствію; напротивъ, они должны готовиться къ новымъ нападеніямъ со стороны своихъ противниковъ. Никого не должно удивлять, если норманофобы обвинятъ несторовцевъ даже за то, что между ними, норманофобами, не найдется и двухъ ученыхъ согласныхъ другъ съ другомъ по главнымъ спорнымъ вопросамъ. При помощи своей 250-лѣтней „софистики“ не могли несторовцы достичь того, чтобы школа ихъ впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній не слыла то опасною для государства, то несостоятельною, то изгнанною изъ общенія съ научнымъ міромъ и въ заключеніе похороненною варяжскимъ папою. Папы, какъ извѣстно не всемогущи, но въ арсеналахъ ихъ есть неистощимый запасъ оружія, которымъ они неутомимо преслѣдуютъ еретиковъ, особенно когда видятъ въ опасности вѣру въ свою непогрѣшимость или когда ихъ кто-нибудь осмѣливается считать за такихъ же ограниченныхъ и грѣшныхъ людей какъ и всѣ остальные люди. У нашего варяжскаго папы еще въ рукахъ

---

[1]) «Отрывки о вар. вопросѣ» стр. 154—156. Напрасно г. Гедеоновъ не включилъ въ изслѣдованіе свое «Варяги и Русь» (см. стр. 170) этихъ страницъ, такъ какъ предметъ вполнѣ заслуживалъ вниманія и еще болѣе подробнаго разслѣдованія, при чемъ должно обратить особенное вниманіе на строго *хронологическое* опредѣленіе дошедшихъ до насъ свѣдѣній о морской торговлѣ и морскихъ разбояхъ балтійскихъ Вендовъ.

то опасное духовное оружіе, которымъ онъ такъ искусно владѣетъ. Онъ провозгласилъ 1-го января, что воскресеніе норманской школы немыслимо, и тысячи его читателей безусловно повѣрили ему на слово! Правда, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и эта школа снова воскресаетъ и появляется изъ окружавшаго ее мрака: послѣдователи ея, бѣдные числомъ, но осѣняемые тѣнями Байера, Шлецера, Румянцева, Карамзина, Круга, Шафарика и Погодина снова уже стучатся въ дверь храма науки. Тѣмъ не менѣе стоитъ Его Непогрѣшительству сказать только слово и, благодаря его званію и власти, о воскресеніи норманской школы будетъ оповѣщено Urbi et orbi какъ о *миѳѣ*. Вѣрили же миліоны невѣжественныхъ язычниковъ въ миѳъ о воскресеніи Адониса-Тамуса, и мусульмане, чтобъ не отстать отъ язычниковъ, сочинили же воскресеніе лже-пророка Магомета! Такіе сознательно поступающіе „софисты“ какъ норманисты, безъ сомнѣнія, гораздо достойнѣе наказанія, чѣмъ невѣжественные язычники и душевно-больные магометане. А какъ было бы жалко, если бы этотъ новый миѳъ о воскресеніи норманистовъ не нашелъ вѣрующихъ! Если, примѣрно, этотъ миѳъ, да хотя бы половина тѣхъ миѳовъ, что̀ антинорманисты открыли въ русской лѣтописи, снова оказались историческими фактами, то варяжскій вопросъ непремѣнно потерялъ бы много въ своей поэтической прелести. Послѣдняя, конечно, была главной причиной, почему этимъ вопросомъ занималось столько миѳомановъ, а другіе дописывались до онѣмѣнія пальцевъ вмѣсто того, чтобы обратиться къ простому рѣшенію вопроса, еще въ Смутное время русской исторіи высказанному благочестивыми монахами Исидоромъ, Хрисанѳомъ и Кипріаномъ: язычникъ Рюрикъ призванъ былъ изъ Швеціи.

Вообще предполагаютъ, что представители различныхъ направленій, существовавшихъ до сихъ поръ въ области изслѣдованій о варяго-русскомъ вопросѣ, имѣютъ въ виду исключительно одну только историческую правду и что вслѣдствіе этого каждый изъ этихъ представителей готовъ отказаться отъ всякихъ недоказанныхъ и не могущихъ быть доказанными положеній. Если бы это дѣйствительно было такъ, то какъ могъ бы держаться во взглядахъ на этотъ вопросъ такой непримиримый дуализмъ? Отъ этого дуализма, безъ сомнѣнія,

страдаетъ достоинство русской науки и представители обоихъ направленій, вслѣдствіе того, что не предвидится конца ихъ спору, равно являются посмѣшищемъ въ глазахъ значительной части общества. Дѣйствительно ли противорѣчія между послѣдователями обоихъ направленій не допускаютъ никакого соглашенія относительно главнаго спорнаго предмета? Погодину когда-то казалось, что приличной формой для соглашенія недоразумѣній можетъ служить публичный диспутъ. Къ сожалѣнію ни онъ самъ, ни его противникъ—никто изъ нихъ не обладалъ вполнѣ свѣдѣніями, касающимися всѣхъ главныхъ сторонъ вопроса; Погодинъ съ цѣлымъ рядомъ источниковъ, давно составляющихъ предметъ критическихъ изслѣдованій у ученыхъ Западной Европы, былъ знакомъ изъ 2-хъ и 3-хъ рукъ, а потому и держался преимущественно текста Несторовой лѣтописи. Кромѣ того, оба диспутанта въ области лингвистики, — Погодинъ самъ сознавался въ этомъ — , были чистые натуралисты; объ этомъ свидѣтельствуютъ и стенографическіе отчеты о диспутѣ къ вящшей потѣхѣ всѣхъ, вѣрящихъ еще въ существованіе славянской и литовской граматикъ. Къ тому же весь этотъ заранѣе проштудированной диспутъ, разыгранный даже съ репетиціей, совершенно по театральному, закончился довольно шутовскимъ финаломъ и со временемъ дастъ богатый матеріалъ писателю, который вздумаетъ обработать этотъ моментъ въ исторіи варягоборства на потѣху ученому люду въ формѣ комической оперы или что еще лучше, водевиля съ ученымъ содержаніемъ, такъ какъ водевили изобрѣтены въ Нормандіи. „Нечего говорить, сколько норманскаго удовольствія“ доставило бы это извѣстіе о происхожденіи водевилей покойному Погодину, который не могъ отказаться отъ мысли, что у Варяго-Русовъ была Сага о Рюрикѣ, такъ какъ Норманы и саги неразлучны. Онъ пришелъ бы въ неописанный восторгъ, если бы узналъ, какъ наглядно страсть жителей средневѣковой Нормандіи къ сказочной исторіи выразилась въ одномъ старинномъ fabliau:

Usage est en Normandie
Que qui herbergiez est qu'il die
Fable ou chanson die à l'hoste.

Погодинъ самъ же, выдержавъ диспутъ, сознался въ безполезности его и навѣрно согласился бы въ томъ, что гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ для соглашенія главныхъ спорныхъ вопросовъ могла бы быть частная бесѣда между двумя или нѣсколькими представителями того или другаго направленія. Норманисты никогда не отказывались поступаться своими убѣжденіями въ виду исторической истины, коль скоро несостоятельность того или другаго положенія въ ихъ ученіи доказывалась или самими ими или ихъ противниками. Они, конечно, и въ ученомъ собесѣдованіи въ случаѣ необходимости заявятъ какъ готовность къ уступкамъ, такъ и готовность измѣнить свои взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ, хотя, само собой разумѣется, не согласятся признать, что норманская школа своей „софистикой" вводила въ заблужденія цѣлыя поколѣнія, пока наконецъ не провалилась сама. Въ совершенно иномъ, относительно лучшемъ положеніи находятся въ настоящее время антинорманисты. Они, какъ извѣстно, не образуютъ никакой замкнутой школы и не заявляютъ на то ни малѣйшихъ притязаній, вслѣдствіе чего никто изъ нихъ не отвѣчаетъ за другаго даже по главному предмету спора[1]. Оппозиція ихъ была въ извѣстной мѣрѣ очень естественна, даже законна. Какъ бы кто высоко ни цѣнилъ научныя заслуги норманской школы вообще, все же останется несомнѣннымъ фактомъ, что въ ея доводахъ имѣлись пробѣлы и слабыя мѣста, что она не всецѣло подвергала предметъ изслѣдованію согласно строгимъ требованіямъ науки. Замѣтимъ здѣсь также, что она даже не опредѣлила, какъ слѣдуетъ, въ строго генетической и, сколько нужно, полной системѣ терминологію такихъ именъ, какъ Варягъ, Норманы, Русь, Франки, Чудь. Эти-то слабыя стороны норманской школы не ускользнули отъ вниманія ея противниковъ, и вызвали болѣе или менѣе основательныя возраженія. Припомнимъ здѣсь въ высшей степени замѣчательное изслѣдованіе г. Гедеонова, которымъ онъ подорвалъ столѣтнюю безусловную

---

[1]) «Во первыхъ, какъ извѣстно, антинорманисты не составляютъ одной школы, утверждающей, что Русь и Варяги были Славянами.... Варяговъ я отнюдь не считаю Славянами» (Русск. Стар. 1877. Мартъ, стр. 541).

Д. И. Иловайскій.

вѣру норманистовъ во внутреннюю связь, будто бы существовавшую между готскими Федератами 4 и 5 столѣтій и византійскими Варангами. Этой услугой нашъ критикъ обязалъ не только представителей исторической науки вообще, но и въ особенности всѣхъ норманистовъ какъ нельзя болѣе: не будь эта мнимая связь между Федератами и Варангами, выдуманная Шведомъ Ире и распространенная Шлёцеромъ, основательно разрушена авторомъ Варяжскихъ Отрывковъ (стр. 132 — 137), представители норманской школы продолжали бы блуждать въ какомъ-то туманѣ, не будучи въ состояніи разъяснить ни происхожденія варяжства въ самой Скандинавіи, ни перехода его въ славянскія земли и въ Византію[1]). Подобнымъ успѣхомъ не можетъ похвалиться ни одинъ изъ крайнихъ норманофобовъ. Напротивъ, большинство ихъ доказало своей полемикою, что они не обладаютъ ни полнотою свѣдѣній, необходимыхъ для основательнаго обсужденія спорнаго предмета, ни строго-научнымъ методомъ какъ въ лингвистическихъ, такъ и въ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ.

Тѣ изъ антинорманистовъ, которые изучили предметъ глубже и обнаружили слабость и несостоятельность отдѣльныхъ доводовъ въ ученіи своихъ противниковъ, конечно, не откажутся съ честью отступиться со своей стороны отъ нѣкоторыхъ собственныхъ своихъ не выдерживающихъ строгой критики положеній, въ справедливомъ сознаніи, что и ихъ труды послужили не мало для раскрытія исторической истины и, въ особенности, сдержали норманистовъ отъ преувеличенія значенія норманскаго элемента въ русской исторіи. Эта уступка была бы тѣмъ естественнѣе, что въ послѣднее время варяжскій вопросъ значительно разъяснился, и именно, въ пользу норманскаго рѣшенія его, вновь открытыми, до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, или вовсе неизслѣдованными еще историческими свидѣ-

---

[1]) Какъ велико было ослѣпленіе норманистовъ и норманофобовъ на счетъ Федератовъ, видно изъ того, что Погодину (см. Г. Гедеоновъ и его с. 1864, стр. 35 и «Варяги и Русь» стр. 160) и другимъ никакъ не хотѣлось промѣнять тьмы на свѣтъ и что всѣ западно-европейскіе филологи и историки не переставали плавать въ мутной водѣ. Только моимъ рѣшительнымъ отзывомъ, высказаннымъ на основаніи разбора Г. Гедеонова, о нелѣпости тождества Федератовъ и Варанговъ положенъ былъ конецъ этому туманному догмату.

тельствами. Впрочемъ, прежніе противники норманства могутъ оказать полезныя услуги не только въ отношеніи новооткрытыхъ источниковъ, но и вообще, такъ какъ изслѣдованіе зарожденія русскаго государства, къ которому вопросъ о происхожденіи Варяго-Русовъ служитъ лишь вступленіемъ, весьма еще нуждается въ совокупномъ трудѣ дѣятелей различныхъ направленій и спеціальностей.

Спрашивается теперь, что, во первыхъ, должно быть предметомъ академической бесѣды? Со строго научной точки зрѣнія должны бы прежде всего быть опредѣлены лингвистическіе доводы того и другаго направленія. На этотъ способъ едва ли на первый разъ окажется удобнымъ. Погодинъ въ своей полемикѣ постоянной точкой исхода бралъ Нестора. Этотъ пріемъ оказался бы для насъ не совсѣмъ подходящимъ, такъ какъ начальная русская лѣтопись получила окончательную свою редакцію только 200 лѣтъ спустя послѣ смерти Рюрика, хотя многія извѣстія ея о Варяго-Русахъ были раньше, отчасти уже во времена Олега и Игоря, записаны кіевскими грамотѣями, безъ которыхъ и языческіе князья Олегъ и Игорь не могли обойтись. Гораздо болѣе цѣлесообразнымъ было бы начать собесѣдованіе разборомъ древнѣйшихъ иностранныхъ свидѣтельствъ, авторы которыхъ были современниками упоминаемыхъ въ нихъ событій и относительно которыхъ все дѣло заключается въ точномъ опредѣленіи терминологіи извѣстной эпохи. Въ этомъ отношеніи лучшій матеріалъ для собесѣдованія могутъ дать 4 латинскихъ свидѣтельства отъ 865, 871 и 941 гг., гдѣ Норманы и Русы употребляются какъ синонимы, такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста никакой „софистикѣ" норманистовъ, а все дѣло зависитъ отъ правильнаго пониманія латинской терминологіи западно- и южно-европейскихъ народовъ въ IX и X столѣтіяхъ.

Не согласятся ли, спрашивается, антинорманисты на такой частный способъ соглашенія? Сомнѣваться въ томъ, пока, нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній. Иной вопросъ, возможно ли соглашеніе со *всѣми* представителями отрицательнаго направленія? Весьма вѣроятно, что и въ будущемъ не будетъ недостатка въ крайнихъ норманофобахъ, которые, не заботясь какъ и до сихъ поръ, о какихъ бы то ни было положительныхъ свидѣтельствахъ, будутъ себѣ продолжать вѣ-

рить и въ до-рюриковское существованіе морскаго флота восточныхъ Славянъ и въ миѳическій характеръ такихъ явленій, какъ личность Рюрика, призваніе Варяго-Русовъ и воскресеніе норманской школы. Много ли мыслящихъ людей найдется у насъ и въ остальной Европѣ, расположенныхъ видѣть въ этихъ пріемахъ что-то другое кромѣ скептической забавы? Для такихъ исторіографовъ-нигилистовъ даже званіе антинорманистовъ въ будущемъ было бы слишкомъ почетно; такихъ скептиковъ можно развѣ назвать гиперборейской школой. Но подобныхъ вновь выступающихъ *гипербореевъ*, также какъ и неисправимыхъ *ультрамонтановъ* лучше совсѣмъ не трогать, а оставить ихъ при ихъ сладкихъ мечтахъ. Должно надѣяться, что подрастающее молодое поколѣніе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ серіознѣе смотрѣть на ученые вопросы, пропоетъ еще до истеченія настоящаго столѣтія этой гиперборейской школѣ заупокойную. Скажемъ же еще слово этому новому поколѣнію.

Опытные наставники обыкновенно настоятельно совѣтуютъ молодымъ людямъ, посвящающимъ себя историческимъ трудамъ, не ограничивать съ самаго начала своихъ занятій исторіей послѣднихъ столѣтій, но предварительно упражнять силы свои на изученіи одного или нѣсколькихъ предметовъ древняго міра или среднихъ вѣковъ, такъ какъ изслѣдованіе этихъ историческихъ эпохъ представляетъ болѣе случаевъ познакомиться съ требованіями строгаго метода и ихъ себѣ усвоить. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, организаторы такъ называемыхъ историческихъ семинарій, даже и въ томъ случаѣ, когда они сами лично предпочитаютъ изслѣдованія по новой исторіи, предлагаютъ обыкновенно ученикамъ, для обсужденія и сочиненій, темы изъ болѣе древнихъ періодовъ. Если есть въ русской исторіи какая-нибудь тема, которая наиболѣе удовлетворяла бы требованіямъ дидактическаго курса и приносила бы наиболѣе пользы подъ руководствомъ наставника, то это безспорно варяжскій вопросъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Г. Гедеоновъ по поводу многочисленныхъ и разнообразныхъ затрудненій, представляемыхъ варяжскимъ вопросомъ, высказалъ какъ-то слѣдующее замѣчаніе: Варяжскій вопросъ для нашихъ молодыхъ историковъ, посвящающихъ себя спе-

ціальнымъ занятіямъ по русской исторіи, является прекрасной пропедевтикой, такъ же точно какъ классическія занятія составляютъ подготовку для историческихъ трудовъ вообще. Мнѣніе это, безъ сомнѣнія, основано на глубокомъ, многолѣтними трудами пріобрѣтенномъ убѣжденіи. Изъ этихъ словъ, конечно, еще не слѣдуетъ, что всякій приступающій къ самостоятельнымъ трудамъ историкъ долженъ непремѣнно самъ писать по этому вопросу, какъ ни важенъ этотъ вопросъ самъ по себѣ: но нельзя не дать такимъ ученымъ искренняго совѣта прослѣдить безо всякого предвзятаго мнѣнія этотъ вопросъ если не во всемъ его постепенномъ развитіи, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ періодахъ его исторіи. Прекраснымъ примѣромъ того, какъ даже весьма заслуженные въ другихъ отношеніяхъ историки мало подготовлены для правильной оцѣнки главныхъ положеній варяжскаго вопроса, служатъ отношенія къ этому вопросу, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, нашихъ такъ наз. полунорманистовъ. При недостаткѣ систематически обработанныхъ коментаріевъ къ отдѣльнымъ источникамъ[1]), молодымъ ученымъ лучше всего начинать изученіе варяжскаго вопроса съ Эверса, котораго антинорманисты чтутъ какъ своего „наставника и учителя", и затѣмъ слѣдить за его послѣдователями до г. Гедеонова, не ослѣпляясь никакими положеніями, ни выводами, коль скоро эти положенія и выводы не являются строго доказанными[2]). Чѣмъ далѣе они будутъ расширять свое чтеніе, тѣмъ болѣе, благодаря противорѣчіямъ отдѣльныхъ изслѣдователей, взглядъ ихъ на отдѣльныя лингвистическія и историческія явленія будутъ изощряться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ расширяться передъ ними и общій кругозоръ историческихъ явленій. Много способствовала осложненію варяжскаго вопроса и отдаленію окончательнаго его разрѣшенія именно эта узкость, ограниченность міросозерцанія у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ варягоборцевъ. Есть люди, которые никакъ не могутъ понять, что развитіе народовъ искони обусловливалось взаим-

---

[1]) О необходимости составленія подобныхъ коментаріевъ см. ниже стр. 065.

[2]) Переводъ «Предварительныхъ крит. изслѣдованій Эверса» до сихъ поръ можно получать у комисіонера Московскаго Общества исторіи, а «Варяги и Русь» г. Гедеонова въ книжн. магазинѣ Эггерса и Комп.

ными вліяніями ихъ другъ на друга и что съ культурно историчес
точки зрѣнія при обсужденіи вліянія одного народа на другой, д
насъ имѣетъ гораздо менѣе значенія заимствованный однимъ н
родомъ у другаго предметъ, чѣмъ самый способъ заимствова
и добытые изъ него впослѣдствіи результаты. По этому никак
нельзя упускать изъ виду разницу, которая существуетъ съ о
ной стороны между охотничьими, пастушьими, кочевыми и зем
дѣльческими народами, — а съ другой между народами, которые
старину сражались пѣшими, которые сражались на коняхъ и котор
предпочитали биться на водѣ, на рѣкахъ, озерахъ или моряхъ. Име
но въ варяжскомъ вопросѣ, гдѣ Норманы, Чудь, Славяне, Греки
разные азіатскіе народы сталкиваются другъ съ другомъ, причемъ э
столкновенія имѣютъ то мирный, то враждебный характеръ, истори
долженъ сколько возможно ближе усвоить себѣ пріемы этнологическ
критики. Особенно слѣдуетъ различать народы водобоязливые о
народовъ охотно предававшихся мореплаванію для военной или то
говой цѣли.

Что Славяне не принадлежатъ къ числу водобоязныхъ народов
доказывается ихъ исторіей еще съ того времени, когда Маврикій уд
влялся ихъ искуству плавать[1]). Почему въ средніе вѣка зародыш
славянскихъ флотовъ не достигли полнаго развитія, до сихъ поръ еі
точно не выяснено. Нѣтъ сомнѣнія, что одною изъ причинъ была н
благопріятная таковому развитію политическая организація, особенн
по военной части. Въ этомъ отношеніи весьма также поучительн
исторія морскаго дѣла въ Россіи. Объединеніе отдѣльныхъ разбр
санныхъ на огромномъ пространствѣ восточно-славянскихъ племен
могло совершиться только при посредствѣ такого *морскаго* народа, к
кимъ были Норманы (см. „Каспій“ стр. 393). Мысль объ основаніи фло
въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова впервые возникла лишь тогд
когда цари московскіе укрѣпили свою власть внутри Государств
Иванъ-грозный не спроста̀ требовалъ въ 1566 г. черезъ Дженкинсо

[1]) См. также отзывъ одного византійскаго историка (626 г.) объ отва
южно-славянскихъ мореходовъ въ Запискѣ о Готскомъ топархѣ (Зап. Акад.
Ч. 24. 1874, стр. 112).

отъ королевы Елизаветы, чтобы она позволила пріѣзжать въ Россію людямъ, знающимъ кораблестроеніе и мореплаваніе (masters, which can make shippes and sayle them [1]).

Полныхъ изслѣдованій политическаго быта Славянъ-язычниковъ, къ сожалѣнію, вовсе не имѣется. Особенно крайне необходимо воспроизвести ихъ военный бытъ. Здѣсь юнымъ труженикамъ представляется широкое поле для лингвистическихъ и историческихъ изслѣдованій, причемъ, конечно, не слѣдуетъ и языки литовскихъ племенъ оставлять безъ вниманія. Только тогда, когда общія въ этомъ отношеніи всѣмъ Славянамъ черты будутъ твердо опредѣлены, можно будетъ приступить къ изложенному лишь въ общихъ чертахъ Шафарикомъ *Готскому вопросу*, хотя уже и въ настоящее время можно утвердительно сказать, что господство Готовъ надъ славянскими племенами, когда Готы населяли еще теперешнюю Россію, оставило по себѣ рѣзкіе слѣды въ бытѣ и языкѣ Славянъ и что многія учрежденія, которыя Погодинъ и другіе производили отъ Нормановъ, слѣдуетъ приписать Готамъ. Тайна физическаго и нравственнаго превосходства язычниковъ Готовъ надъ отдѣльными восточно-нѣмецкими, литовскими, чудскими и славянскими языческими племенами, также какъ и тайна покоренія Готами черноморскихъ и поволжскихъ племенъ лежала просто въ томъ, что у Готовъ ранѣе выработалось монархическое направленіе (Gotones regnantur). Въ свою очередь Готы не могли выдержать напора многочисленныхъ гунскимъ *конныхъ* народовъ, управляющихся самовластными ханами: пѣшіе бойцы были побѣждены бойцами-всадниками.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одной задачѣ, выполненія которой можно ожидать преимущественно отъ молодаго поколѣнія. Въ наши дни исторія разработывается вездѣ съ большимъ рвеніемъ, и слѣдовало бы думать, что она гигантскими шагами приближается

[1]) Мы болѣе не можемъ питать надежды на открытіе въ англійскихъ архивахъ новыхъ какихъ нибудь извѣстій по этому предмету, послѣ того какъ такому знатоку древнихъ сношеній Россіи съ Англіей, какъ Ю. В. Толстой, не удалось, несмотря на самые прилежные поиски, отыскать таковыхъ. См. также письма Сигизмунда къ Елизаветѣ въ его «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіею 1553—1593. II. 1875», стр. 31.

къ идеалу исторіографіи. Къ сожалѣнію, такъ думаетъ объ исторіи только тотъ, кто не знаетъ по опыту, какъ отстала историческая наука относительно точности въ изслѣдованіи и въ оцѣнкѣ большихъ и малыхъ историческихъ источниковъ. Какъ бы то ни было, но пóлки библіотекъ ежегодно наполняются громаднымъ числомъ историческихъ трудовъ и журналовъ. Изъ числа этихъ книгъ и статей не многіе исчерпываютъ вполнѣ предметъ свой, а изъ другихъ не мало найдется такихъ, которыя даже не заслуживаютъ названія научныхъ трудовъ! Этотъ порядокъ вещей будетъ продолжаться, пока мы не рѣшимся относиться къ новымъ явленіямъ въ исторической литературѣ съ болѣе строгой критикой и разработывать болѣе трудные вопросы общими усиліями. Но и въ этомъ случаѣ все еще останется впереди наиболѣе трудная задача, именно объективное воспроизведеніе судьбы и развитія прошлыхъ временъ и поколѣній, такое воспроизведеніе при которомъ предъ нами дѣйствительно явилось бы вѣрное, живое изображеніе той или другой эпохи, не измѣненное,—какъ это часто бываетъ,—подъ вліяніемъ нашихъ современныхъ взглядовъ, тенденцій, симпатій и антипатій. Чѣмъ художественнѣе творенія новѣйшихъ историковъ, тѣмъ съ бóльшимъ недовѣріемъ слѣдуетъ къ нимъ относиться и зорко присматриваться, воспроизводятъ ли они вѣрно дѣйствительную жизнь малодоступной намъ эпохи, или же воспроизводятъ ее при свѣтѣ новѣйшихъ, современныхъ намъ воззрѣній и представленій: припомнимъ только множество блестящихъ, но фантастичныхъ характеристикъ историческихъ личностей прошлого времени; эти личности, казалось бы, должны быть плоть отъ плоти нашей, кровь отъ нашей крови, а между тѣмъ они такъ рѣзко отличались отъ насъ. Также и изображеніе норманскаго періода потребуетъ, когда всѣ вышеупомянутыя задачи будутъ разрѣшены, отъ исторіографа особаго дарованія углубляться въ прошедшее, гдѣ взаимныя отношенія совершенно разновидныхъ народовъ являются намъ вполнѣ чуждыми. Но чтобы будущій историкъ-художникъ не былъ обремененъ массою мелочныхъ вопросовъ, крайне необходимо, чтобъ уже и теперь изслѣдователямъ по возможности облегчена была ихъ задача. При изученіи варяжскаго, равно какъ и другихъ вопросовъ теряется въ настоящее время страшно много времени на отыски-

ванье и чтеніе разбросанныхъ по разнымъ книгамъ и особенно періодическимъ изданіямъ статей и изслѣдованій, служащихъ для разъясненія источниковъ. Мало того; теперь историческія литературы различныхъ европейскихъ народовъ столь быстро разростаются, что для отдѣльныхъ лицъ становится не только труднымъ, но даже невозможнымъ дѣломъ слѣдить за всѣми новѣйшими замѣчательными явленіями въ области исторіографіи. Тутъ ничего не остается болѣе дѣлать, какъ соединенными силами помочь бѣдѣ[1]).

И такъ, по отношенію спеціально къ варяжскому вопросу должно сдѣлать предложеніе, которое, безъ сомнѣнія, примѣнимо и къ другимъ отдѣламъ русской исторіи. При томъ громадномъ количествѣ разъясненій, которыя обрѣтаются въ литературахъ различныхъ странъ, безусловно необходимо, чтобы составлялись къ отдѣльнымъ источникамъ сжатые коментаріи въ самой краткой формѣ съ указаніемъ на тѣ сочиненія и статьи, въ которыхъ можно найти обстоятельныя объясненія источника. Подобные коментаріи необходимы не только для источниковъ средневѣковой исторіи, но и для источниковъ новѣйшей эпохи, и не только для лѣтописей, но и для грамотъ и т. д. Подобными коментаріями уже снабжены нѣкоторыя обширныя собранія памятниковъ, какъ на напр. источники древней Прусской земли[2]), но какъ извѣстно, такіе коментаріи скоро старѣютъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы издавать ихъ отдѣльно и выпускать время отъ времени въ нѣсколько обновленномъ дополненномъ видѣ. Если бы у насъ былъ подобный коментарій къ источникамъ перваго періода русской исторіи, то трудъ историка былъ бы значительно облегченъ и скорѣе достигалъ бы своей цѣли. Разбросанность матеріала есть одна

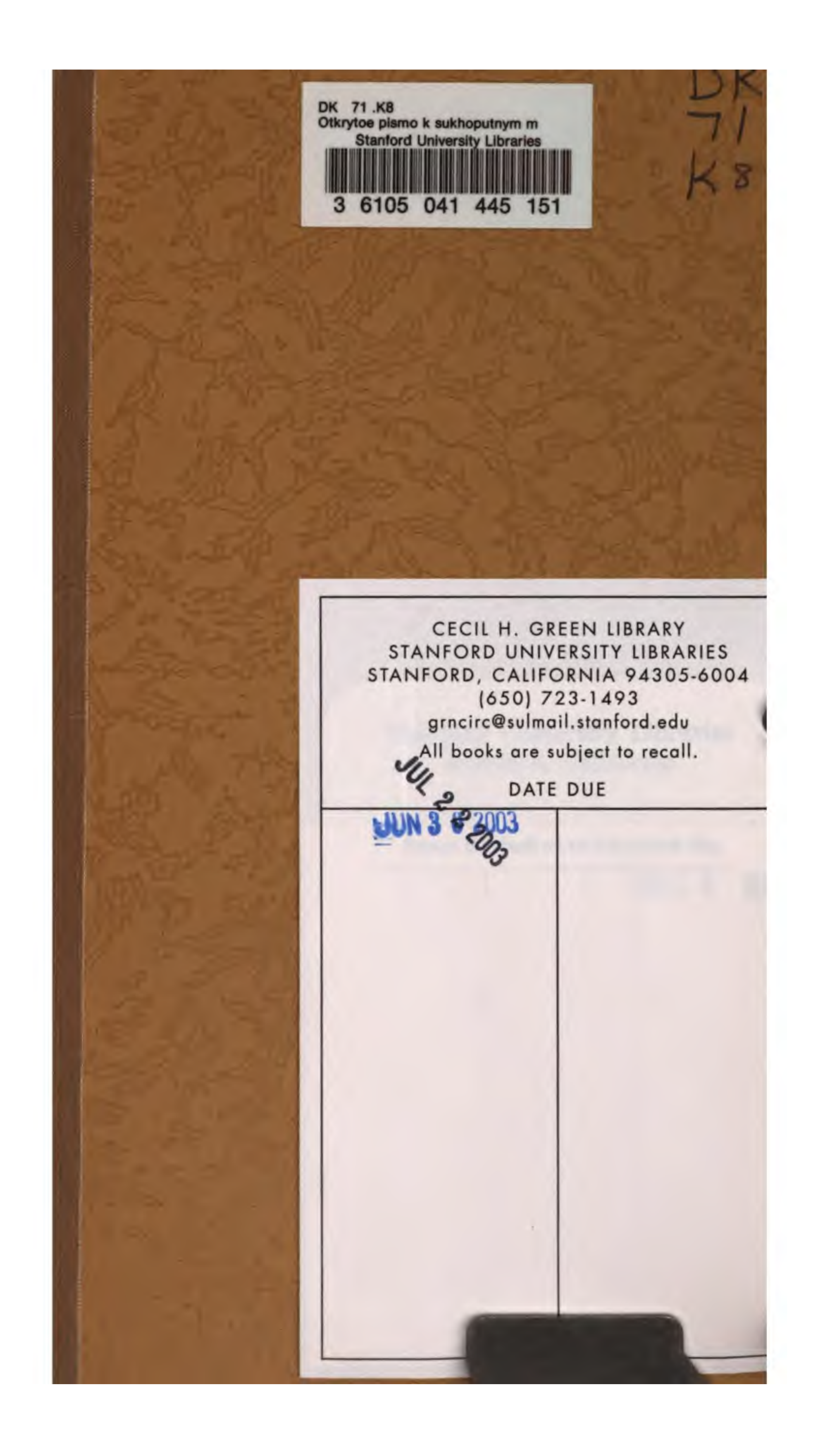
[1]) Нельзя въ этомъ случаѣ не припомнить съ чувствомъ благодарности многаго изъ того, что предлагалъ покойный предсѣдатель археографической комиссіи П. А. Мухановъ († 16 дек. 1871) относительно облегченія труда будущихъ историковъ въ своей статьѣ: Что желательно для русской исторіи? І-я Часть— статья Desiderata, напечатанная въ сборникѣ Муханова. ІІ-я Часть — прибавленія къ этой статьѣ. Спб. 1870.

[2]) Scriptores rerum prussicarum. Die Geschichtsquellen der preussischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft. 1—5 Band. Leipzig 1861—1874.

изъ главныхъ причинъ, почему трудившіеся надъ рѣшеніемъ варяжскаго вопроса обнаруживали часто незнакомство съ положительными результатами трудовъ своихъ предшественниковъ. И отъ какихъ бы далекихъ объѣздовъ и блужданій избавились начинающіе историки, благодаря такому краткому, снабженному необходимыми литературными указаніями коментарію! Время настало — приняться за работу *общими силами*.

А. Куникъ.

СПб. 25 мая 1877 г.

DK 71 .K8
Otkrytoe pismo k sukhoputnym m
Stanford University Libraries
3 6105 041 445 151
DK
71
K8
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.
DATE DUE
JUL 2 2 2003
JUN 3 0 2003

